АССАМБЛЕЯ НАРОДА КАЗАХСТАНА г. АЛМАТЫ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ЭТНОСАРАЛЫҚ БІРЛІК ПЕН КЕЛІСІМНІҢ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ҮЛГІСІНІҢ ӘДІСНАМАЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Алматы қаласындағы Қазақстан халқы Ассамблеясының
Ғылыми сарапшылар тобының III қалалық
ғылыми-практикалық конференциясының материалдары

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОДЕЛИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА И СОГЛАСИЯ

Материалы III городской научно-практической
конференции Научно-экспертной группы
Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы

Алматы
2015

УДК 323/324(574)(063)
ББК 66.3(5 Каз)
В 74

Рекомендовано к печати Научно-экспертной группой Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы

Ответственный редактор

М.С. Шайкемелев – председатель Научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы

В 74 Вопросы методологии казахстанской модели межэтнического единства и согласия. Мат-лы III городской науч.-практ. конф. Научно-экспертной группы АНК г. Алматы (10 декабря 2014 г., Дом Дружбы). – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2015. – 141 с.

ISBN – 978-601-304-043-1

В сборник материалов III городской научно-практической конференции «Вопросы методологии казахстанской модели межэтнического единства и согласия», организованной Научно-экспертной группой Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы, включены доклады и статьи ведущих политологов, историков, философов, социологов и политтехнологов крупнейшего казахстанского мегаполиса. Авторы сборника пытаются творчески переосмыслить ключевые подходы и принципы дальнейшего изучения и совершенствования казахстанского феномена межэтнического взаимодействия, его институционального оформления, призванного стать фундаментом всеказахстанской идентичности. Сборник предназначен для ученых политологов, философов, культурологов, преподавателей и студентов, а также адресован широкой общественности, интересующейся проблемами национального строительства.

УДК 323/324(574)(063)
ББК 66.3(5 Каз)

ISBN – 978-601-304-043-1
© Ассамблея народа Казахстана г. Алматы
© Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015

Посвящается Году
Ассамблеи народа Казахстана!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научно-экспертная группа Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы совместно с Институтом философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, при поддержке КГУ «Қоғамдық келісім», провели 10 декабря 2014 г. в Доме Дружбы III городскую научно-практическую конференцию НЭГ АНК г. Алматы «Вопросы методологии казахстанской модели межэтнического единства и согласия», посвященную Году Ассамблеи народа Казахстана. Данный форум ученых и общественных деятелей-практиков был посвящен анализу методических и методологических проблем исследований казахстанской модели межэтнического взаимодействия, выработке научно-практических рекомендаций по дальнейшей гармонизации межэтнической сферы общественных отношений и укрепления единства народа Казахстана.

В современном мире Казахстан рассматривается как успешное государство, обладающее устойчивой политической системой, общественной стабильностью, гармоничным состоянием межэтнических и межконфессиональных отношений. Как подчеркнул Президент Н.А. Назарбаев в своем Послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050», «Гражданский мир и межнациональное согласие – наша главная ценность. Мир и согласие, диалог культур и религий в нашей многонациональной стране справедливо признаны мировым эталоном».

Одним из главных достижений национальной политики Республики Казахстан за время независимости является соз-

дание казахстанской модели межэтнического единства и согласия, являющейся важнейшим условием осуществления социально-экономических и политических реформ в стране. Стратегией «Казахстан-2050» был провозглашен курс на дальнейшее формирование единой национальной идентичности представителями всех этнических групп Казахстана. В связи с чем, главной задачей республиканских научно-аналитических структур, исследующих этнополитические процессы, стали исследования и институционализация объединительных принципов и структурных взаимодействий в межэтнической сфере. Казахстанская модель межэтнического единства и согласия, при всей своей практической эффективности, требует постоянного обновления, творческого переосмысления ключевых подходов и принципов, поскольку социальная практика казахстанского общества находится в состоянии непрерывного воздействия различных внутренних и внешних вызовов и угроз.

В своем Послании на 2015 год «Нурлы жол – путь в будущее» Елбасы Н.А. Назарбаев отметил, что Казахстан находится в зоне геополитического напряжения. Это долговременный фактор, который будет постоянно проверять на прочность казахстанскую модель межэтнического единства и согласия. В связи с чем, отправной точкой поиска и нахождения объединительных принципов может быть развитие новых гибридных форм межкультурного взаимодействия, определяющих новейшие механизмы по формированию и структуризации этнокультурной политики. Такой действенной формой диалога культур может стать создание в ближайшем будущем межэтнических культурных объединений, которые будут призваны стать фундаментом всеказахстанской идентичности.

На фоне геополитических и геоэкономических вызовов нашему государству, как никогда возрастает роль методологического обеспечения процессов формирования всеказахстанской идентичности. Политикам, ученым и управленцам необходимо будет обратить пристальное внимание на ряд противоречий, сопровождающих процессы национального

строительства, главное из которых – противоречие этноконфессиональной и гражданской идентичностей.

Тем не менее, серьезных, непреодолимых противоречий в казахстанском общественно-политическом пространстве в этой сфере на сегодняшний день не существует. Есть отдельные индикаторы межэтнической напряженности, которые беспокоят ученых и которые должны исследоваться. В том числе и для этих целей, пять лет назад во всех регионах страны были созданы Научно-экспертные группы АНК, деятельность которых координируется республиканским Научно-экспертным советом АНК. Все эти структуры занимаются изучением практического опыта АНК, введением его в научный оборот, популяризацией в республиканской и международной научно-публицистической среде.

Замечательно то, что простые казахстанцы ясно осознают и понимают, что единство народа – это наше неоспоримое конкурентное преимущество в глобализирующемся мире. Реализованная возможность жить в успешной стране, растить детей, жить в мире и согласии – это главное совместное достижение государства, Ассамблеи народа Казахстана и гражданского общества. АНК и, в целом, казахстанская модель межэтнических отношений базируется на той ауре, которую создает культурно-историческое наследие казахского народа, на толерантности, которую мы унаследовали от наших предков. Все проблемы и противоречия, неизбежные в полиэтническом обществе решаются выработанными в народном сознании методами и технологиями. В основе этих технологий лежит межэтническая толерантность, которая базируется, прежде всего, на казахской толерантности, сформировавшейся столетиями взаимодействия различных культурных и религиозных традиций.

Казахстанские этносы живут и развиваются в исторически сложившейся атмосфере толерантности и понимания необходимости постоянного межэтнического диалога и взаимных компромиссов. Терпимость к чужим верованиями, иным культурным особенностям, другим языкам, искренний интерес ко всему новому, способность и стремление жить в мире со

своими соседями, умение договариваться – все это и обуславливает уникальность казахстанской модели межэтнических отношений.

Безусловно, сам факт существования различных этнических групп в рамках одного государства периодически будет вызывать противоречия в их взаимоотношениях. Тем не менее, данные, полученные в ходе исследований казахстанских ученых, свидетельствуют о том, что глубинных противоречий в казахстанском пространстве межэтнического взаимодействия не существует. Возникающие проблемы, как правило, не носят характер межэтнических противоречий, а обусловлены социально-экономическими факторами, нерешенностью социальных проблем, которые могут при определенных условиях перейти в протестно-деструктивные формы. Поэтому задача исследователя заключается в выявлении этих противоречий и поиске механизмов урегулирования конфликтных ситуаций.

Заслуга АНК в том, что благодаря ее интегрирующей функции в обществе сложился позитивный морально-психологический и политический климат. Ассамблея явилась одной из главных предпосылок достижений Казахстана во внутриполитической сфере и на международной арене, о которых неустанно говорит президент, буквально в каждом обращении к народу, подчеркивая значимость согласия в обществе, без которого невозможно строить успешное государство.

В Алматы функционирует более 30 этнокультурных объединений, все сотрудники которых – от председателей до рядовых членов очень ясно представляют то, что необходима постоянная работа в сфере не только межэтнического, но и социального, межличностного диалога. За жизнеутверждающим фасадом, демонстрирующим окружающему миру наше единство и согласие, кроется напряженный ежедневный труд энтузиастов-общественников. Они как в прежние времена ставят общественные интересы выше личных и отдаются любимому делу не считаясь со временем, подавая личный пример подрастающему поколению. В числе осуществляемых ими мероприятий – выезд с лекциями и тренингами в регионы, на

предприятия, студенческие, рабочие и армейские коллективы, ежедневное решение проблем внутри и между этнокультурными объединениями.

От наших ученых и общественных деятелей общество ждет научно-практических рекомендаций по развитию новых диалоговых форм межкультурного взаимодействия. С помощью новейших научных методик необходимо исследовать параметры и механизмы надэтнического социокультурного пространства, которое формируется казахстанскими этнокультурными объединениями в содружестве с государством и гражданским обществом. Мы знаем, что в отечественной общественно-политической практике появляется немало примеров инициативных действий Ассамблеи народа Казахстана по поиску новых форм взаимодействия этнических культур. Дело за тем, чтобы изучить их, осмыслить и на основании анализа отечественного и международного опыта предложить новые методики конструирования политических технологий межэтнического диалога.

Казахстан сегодня представляет собой модернизирующееся общество, ставящее перед собой широкомасштабные цели вхождения в тридцатку развитых государств мира. Без освоения и критического осмысления опыта развитых стран, активного обсуждения научными и общественными деятелями закономерностей и тенденций развития казахстанского общества, без научно-практических разработок и рекомендаций по выработке инновационных стратегий в межэтнической сфере, трудно ожидать позитивного решения вышеуказанной амбициозной задачи. Усилия научного сообщества должны быть сконцентрированы на дальнейшем изучении, развитии и совершенствовании казахстанского феномена межэтнического взаимодействия, его институционального оформления с тем, чтобы данный процесс стал более предсказуем и управляем.

Шайкемелев М.С. – председатель
Научно-экспертной группы АНК г. Алматы

ҰЛТТЫҚ БІРЕГЕЙЛІКТІ ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН ТАРИХЫНЫҢ ЭТНОМӘДЕНИ СИМВОЛДЫҚ МӘНІ

Айтымбетов Нүркен Ысқақұлы

Қазіргі Қазақстанның барлық халқын біріктіретін ұлттық бірегейлігін қалыптастыру қазақ тарихы мен оның тарихи мифтерін ғылыми тұрғыда түбегейлі зерттеуді қажет етеді. Өйткені, тарих және тарихи мифтер жеке тұлғаның, халықтың тарихи ерлігін түсіндіруді күшейте отырып, яғни үстірт санаға қарсы өзіндік сананы оята отырып, белгілі бір топтың ортақ тағдырын танып-білуге мүмкіндік жасайды. Сондықтан ұлт патриоттары жаңа ұлттық бірегейлікті қалпына келтіру үшін өткенге көз салады. Ол үшін олар тарихи символдарды негізгі құрал ретінде қолдана отырып, ұдайы өздерінің идентификациялық жобаларын қоғам назарына ұсынып отырады. Сонымен бірге өзін-өзі құрметтеуге ие болып және ұлттық бірегейлікті жаңғырта отырып өткен кезеңде империялық басқару күшімен енгізілген дискриминациялар мен нигилизмнің барлық түрін жоюды талап етеді. Энтони Смит: «мифтерсіз, тарихи оқиғалар мен символдарсыз «басқалардан» өзінің тобының мүшесін анықтау және оларды мәдени элиталарсыз түсіндіру мен жасау мүмкін емес. Мифтер ұлттардың тіршілігіне мән-мағына беріп, тұлғаның топтасқан бір қауымға жататындығын білдіреді», – деп атап көрсетеді [1].

Қазақ халқы Ресей империясының құрамында екі ғасыр бойында өзінің тарихи және мәдени болмысын жоғалтты. Империялық саясатқа негізделген орталықтан басқарылған әкімшілік жүйе қазақ халқының тарихи санасын жойып

жіберуге тырысты. Ұлттық бірегейліктің жоғалуына және оның империялық отарлау кезінде ассимилияцияға ұшырап кетуіне алып келетін үрдіс қарқынды жүрді. Сондықтан, ұлттық тарихнамада тарихи сананың оянуы қазақ халқының өзін-өзін анықтауы бойынша бірегейліктің қалыптасуымен байланысты. Ұлттық мемлекеттердің құрылуы барысында ұлттық және мемлекеттік құрылыстың қалыптасуы ұлттық сананың деколонизациялануы арқылы жүреді.

КСРО-ның құлауы мен кеңестік идеологиялық жүйенің күйреуінен кейін Қазақстандағы ұлтаралық және этносаралық факторлардың маңызы арта бастағаны белгілі. Тәуелсіздікке қол жеткізуге байланысты Қазақстан Республикасында ұлттық және мемлекеттік құрылыс үрдісінде жаңа этномәдени символдар, этносаралық қарым-қатынасты дамыту мен этностық топтасудың жаңа идеологиялары дүниеге келді. Осыған орай, 1990 жылдардан бері қарай отандық саясаттанушылар мен этнологтардың жүргізген зерттеулерінің нәтижелері елдегі титулды ұлттың тілі мен тарихын қалпына келтіру үрдісі, ұлттық мәртебесінің оянуы мен этностық бірегейліктің маңызының артқанын көрсетеді. Осы жағдайда Қазақстан халқын біріктіретін жалпы қазақстандық бірегейлік пен пәрменді идеология мәселесі өте өзекті болып алға шықты. Яғни, осы тұста ұлттық бірегейліктің қалыптасуына байланысты этностық фактор қазақстандық қоғамдық дискурс пен адамдар өмірінен қайта-қайта көрініс таба бастады. Ол жаңадан қалыптасып келе жатқан титулды ұлттың бірегейлігіне қарсы шығып, онымен этносимволдардың қоғамдық басымдығында бәсекеге түседі. Сондықтан бұл мәселе қоғамдық келісім мен этносаралық татулық үрдісіне өзінің қауіп-қатерін тудырады. Осыған байланысты этноұлттық идеология негізінен интернет-форумдарда, баспа беттерінде, теледидардан көрініс таба бастады. Этноұлттық идеология әрқашан адамның этностық бірегейлігіне арқа сүйейді, бірақ этноұлттық идеологияны тек ол үшін этностық бірегейлік басты құндылық болып табылатын адам ғана басшылыққа ала алады. Осындай этностық бірегейлігімен ерекшеленетін адам белгілі бір этностық топ не-

месе адамдар атынан мәдени немесе діни және мифологиялық құндылықтарға негізделе отырып, олардың мүддесін қорғауға шақыру ретінде қабылдайды.

Бір жағынан белсенді этностық бірегейлік этноұлттық идеологияны қалыптастыра және бойына сіңіре отырып, көп ұлтты мемлекет ішінде бірігуге тосқауыл қоятын этностық ұлтшылдықтың қалыптасуына мүмкіндік тудыруы ықтимал. Осыған байланысты Джерси Смолич негізгі құндылықтар арқылығанаәлеуметтіктоптарбелгілібірмәдениқауымретінде ерекшеленетіндігін, егер өздерінің осы негізгі құндылықтарын жоғалтса, мәдени қауым ретінде жойылатындығын атап көрсетеді [2]. Осы негізгі құндылықтар (тіл, мәдениет, ұлттық тарихнама және ұжымдық сана) бүлінсе, халықтың бірегейлігі қатерге ұшырайды. Сондықтан Қазақтан тәуелсіздігін алған уақыттан бастап елдегі басқа этностардың мүддесімен санаса отырып, өзінің ұлттық және мемлекеттік құрылысын қалыптастыруға көшті. Яғни, осы орайда ҚР Президенті Н.Ә. Назарбаевтың басшылығымен құрылған Қазақстан халқы Ассамблеясы этносаралық және ұлтаралық татулықтық саласында зор үлес қосты. Нәтижесінде ұлтаралық татулықтың қазақстандық моделі пайда болды.

Қазақстан тәуілсіздігін алған кезеңнен бастап тарихшылар басқарушы элитаға титулды ұлттың жеке тарихының жазылуын ұсынды. Мұндай ұлттық тарихсыз олар тарихтың бәсең субъектілері деңгейінде қалып қояды, олардың мәдени болмысы бұрынғы кеңестік типте дамуы жалғасын таба береді. Осы орайда барлық бұрынғы посткеңестік елдер – кеңестік ұлттық саясаттың мұрагерлері ретінде мемлекеттіліктің этномәдени анықталуына ие болғандар. Олардың барлығы империялық кезеңде өздерінің жоғалған тарихын іздеуде, өйткені жаңа тәуелсіз мемлекет үшін олардың өткені маңызды орынды иеленеді.

Осы тұрғыда әрбір мемлекет өзінің заңды тарихи бейнесін анықтау мен ұлттық бірегейлігін қалыптастыру үрдісінде идентификациялық жобаларды жасау үшін тарих таусылмайтын этносимволдық қорды иеленеді. Тарихнамада анықталған және тарихи кітаптарда жазылған жаңа тарихи мифтер жал-

пы тарихи тәжірибе негізінде жаңа қазақстандық мемлекеттің патриоттық сезімін күшейту үшін маңызы зор.

Қазақстан тарихын оқу және оны әйгілеу мемлекеттік саясаттың және ұлттық құрылыстың бір бөлігі болып табылады. Бұл саясаттың мәні адамдарды бір қауымға топтастыру мен жеке өзіндік ұлттық бірегейлікті қалыптастырудың алғышарты болып табылады. Қазақ халқының тарихы бойынша оқулықтар, қазақ символдары және көрнекі тарихи тұлғалары тәуелсіз Қазақстан үшін тарихи сананың және қазақстандықтардың ұлттық бірегейлігінің қалыптасуында үлкен рөл атқарады. Қазақстан тарихы оқу бағдарламасы ретінде білім жүйесінде ерекше орынға ие. Нақты осы пәннің мазмұны жас ұрпаққа қазақ халқының мәдени-тарихи дәстүрін меңгеруге, тарихи санасын қалыптастыруға көмектеседі.

Қазақстанның өткен тарихын оқу жоғары оқу орындарындағы барлық мамандықтар бойынша міндетті пән ретінде енгізілді. 1995 ж. Қазақстанда тарихи сананының тұжырымдамасы қабылданды, одан кейін 1998 ж. ҚР Президенттің Жарлығымен ұлттық тарих жылы болып жарияланды. «Қазақстанның объективті тарихын қайта құру халықтың тарихи санасын қалпына келтірудің негізі, ұлттық бірлікті қалыптастыру, азаматтық тәрбие мен патриотизмді дамытудың маңызды факторы болып табылады» [3] – деп атап көрсетілді. Бұл 1995 ж. республикалық референдуммен бекітілген Конституцияның негізгі ережелерімен анықталды: «*Біз, ортақ тарихи тағдыр біріктірген Қазақстан халқы, байырғы қазақ жерінде мемлекеттілік құра отырып, өзімізді еркіндік, теңдік және татулық мұраттарына берілген бейбітшіл азаматтық қоғам деп ұғына отырып, дүниежүзілік қоғамдастықта лайықты орын алуды тілей отырып, қазіргі және болашақ ұрпақтар алдындағы жоғары жауапкершілігімізді сезіне отырып, өзіміздің егемендік құқығымызды негізге ала отырып, осы Конституцияны қабылдаймыз*» [4].

Дегенмен ұлттық рух пен ұлттық өзіндік сананың көрінуі тиіс тарихи оқулықтар қазақ зиялыларының сынына ұшырауда. Қазақ зиялылары Қазақстан тарихын тари-

хи оқиғалар мен тарихи тұлғалардың әлеуетін түсіндірудегі өрескел қателіктер үшін өздерінің қарсылықтарын білдіреді. Сондықтан, бүгінгі таңда қоғамда қазақ халқының тарихын қайта жазу мәселесі белсенді талқылануда. Оның басты себебі тарихшылар, іргелі еңбек авторлары өздерінің сөздерінде Қазақстанның жалпы тарихы «Қазақстан тарихы», «Қазақстан тарихы: халықтар мен мәдениеті» деген атаулармен келіспейтіндігін білдіреді, олардың пікірінше «Қазақ халқының тарихы» болуға тиісті.

Сонымен бірге, олар Қазақстанның кейбір тарихи оқиғалары мен тарихи тұлғаларының тарихтағы орнымен келіспейді, өйткені олардың кейбірі Ресей империясы кезеңімен тығыз байланысты. Кеңес Одағы кезінде қазақ халқының тарихы Ресей империясы мен Кеңес одағы мүддесі тұрғысында жазылғаны белгілі. Атап айтқанда, Ресей империясы тұсындағы қазақ тарихының отарлық кезеңіне жататын Кенесары көтерілісіне, алаш ордашылар М. Шоқай, Т. Рысқұлов тұлғаларына қатысты дүниелерді айтуға болады.

Қазақстанның ұлт патриоттары Қазақстан тарихындағы Кенесары көтерілісін ұлт-азаттық қозғалыс ретінде қарастырады. Кенесары тұлғасын қазақтың соңғы ханы, ұлт-азаттық қозғалыстың символы деп санайды. Сонымен қатар олар қазақтарды бұрынғы құлдық санадан арылуын, өскелең ұрпақтың патриоттық рухын көтеруді қолдайды.

Ал ұлт патриоттарының қарсыластары Кенесары қозғалысына қарсы шықты, олар Ресей қазақтарды Қоқан хандығының шабуылынан қорғады деп санайды. Кенесары Қасымов қозғалысы ұлт азаттық қозғалыс емес, бұл қозғалыс феодалдық жүйені қалпына келтіру үшін болған деп есептейді. Бұл пікірді жақтаушылар «Кенесары Қасымов көтерілісі» атты кітапты жазған атақты тарихшы Е.Б. Бекмахановқа сүйенеді.

Е.Б. Бекмаханов - К. Қасымов бастаған қозғалыстың феодалдық негізін жоққа шығармайды. Оның ойынша, Кенесары құрған мемлекет феодалдық негізде құрылған. Өйткені қазақ қоғамында бұрыннан қалыптасқан феодалдық қатынас Кенесары ханның құрған мемлекетінің құрылымы нәтижесінде

өзгермеді. Оған Кенесары тұсында өндірістік қарым-қатынастарда феодалдық сипатты күшейтті. Ол Қазақстанның территориясын өзінің хандық әулетінің жеке меншігі ретінде қарастырды. Сонымен қатар осы идеологияның жақтастары хандық билікті және ортағасырлық өзінің бұрынғы атабабасының хандық тәртібін орнатуға тырысты, сол үшін Қазақстанды барынша Ресейден бөліп алуға тырысты деп есептеді [5]. Сонымен бірге олар Ш.Уәлихановтың айтқан сөздерін негізге алады: «Наказ его к детям, который обнаруживает общий характер его тамерлановской политики: он (Аблай) советует никогда не решать вполне междуродовых дел киргизских племен, ибо только несогласия и раздоры могут быть незыблемой опорой ханской власти» [6].

Келесі қарама-қайшылық XX ғасырдың басындағы бірқатар Алашорда тұлғаларын ұлықтауда туындайды, бұл ең алдымен Мұстафа Шоқай мен Тұрар Рысқұловтың тұлғасына қатысты. Қазақстандық қоғамда екіге жарылған көзқарастың бірі Мұстафа Шоқайды ұлт патриоты деп жақтаса, екіншісі ұлт сатқыны деп есептейді. Біздің интеллигенцияның осы мәселе төңірегінде көзқарасы екіге бөлінген. Бір бөлігі, соның ішінде, ұлт патриоттары Шоқайдың тарихи тұлғасын белсенді қолдайды. Ал екінші бөлігі ұлт сатқыны деген көзқарастарынан танбайды. Осы мәселе бойынша Амантай Кәкеннің «Общественная позиция» газетінде «Мустафа Шокай – рыцарь свободы» атты мақаласы жарық көрді. Оның ойы бойынша: «*Мустафа Шокай является легендарным борцом, рыцарем Свободы и Равенства народов Средней Азии и Казахстана, мечтавшем о возвращении независимой государственности всем народам Туркестана*» [7].

Ал Мұстафа Шоқайға қарсы шыққандардың бірі *Д. Данилевский* былай дейді: Мустафа Шокай, сотрудничавший с фашистами, возведен в Казахстане в герои», обратившись со своими сторонниками в суд заявили: «Мы не надеемся найти справедливость в судах Казахстана по этому делу. Конечно, мы обратимся в Верховный суд. Понимаем, что ничего не добьемся, но пусть как можно больше судей замараются в этом деле,

и сами, таким образом, войдут в историю. Этот вопрос решит только время. Какое время – такие и герои. Для нас герои – это весь советский народ, пожертвовавший миллионами жизней, чтобы сломать хребет фашизму. Уже сегодня улицы, носящие имя Шокая, соседствуют с улицами, носящими имена Героев Советского Союза. Странная ситуация, зазеркалье какое-то» [8].

Сонымен қазақстандық қоғамда тарихи тұлғаның тарихтағы орнын анықтауда талас-тартыс жүріп жатыр. Бұл қарама-қайшы пікірталастар бір жағынан этномәдени символизмді анықтауға қатысты болса, екінші жағынан қазақ халқының ұлттық бірегейлігін анықтауға қатысты болып отыр. Менің ойымша, Мұстафа Шоқайдың тарихи тұлғасын ұлт-азаттық қозғалыстың символы ретінде бағалаған жөн. Өйткені Шоқай өз заманында Кеңестік жүйенің бұрынғы патшалық отарлау мен орыстандыру жүйесінің негізінде құрылғандығына қарсы шығып, өмірінің соңына дейін сол жолда күресті. Алайда сол кездегі орталықтандырылған әкімшілік жүйемен күштеп сол кездегі халық жауларына айыптау, оны құжат жүзінде күшпен мойындату үрдісі жазалаудың құралы ретінде қолданылғаны белгілі. Сол кездегі жүйе үшін жасалған жалған құжаттар қазір уақытта кейбір азаматтардың қолына түсудің нәтижесінде қарама-қайшы пікірлер туындатуда. Бұл мәселенің тек анық-қанығын ғылыми түрде нақты анықтау ғана тарихи шындықтың бетін аша алады.

Осыған байланысты қазіргі таңда тарих саласында ұлттық-құқықтық негізді құрайтын 1993 жылы 14 сәуірде Қазақстан Республикасының Президенті қол қойған құжат «Жаппай саяси қуғын-сүргін құрбандарын ақтау туралы» Жарлық шықты. Қазақстан Республикасының Жоғарғы Кеңесінің қабылдаған бұл заңның мақсаты кіріспе сөзінен анықталған: жаппай саяси қуғын-сүргінге ұшыраған құрбандарды ақтау, қазіргі кезде моральды және материалдық залалдың орнын мүмкіндігінше толтыру мақсатында осы қуғын-сүргінге ұшыраған адамдарға қатысты әділдік қалпына келтірілсін деп басталады.

1995 жылы ҚР Президенті жанындағы Мемлекеттік саясат бойынша Ұлттық Кеңестің: «Қазақстан Республика-

сында тарихи сананың қалыптасуы» тұжырымдамасында төмендегідей бағыттар анықталған болатын: «Тарихи сананың басымдықтары», «Тарих ғылымының мәселелері», «Тарихи білім мен ағартудың келешегі». Осы бағыттар негізінде Қазақстанның тарих ғылымының алдында Кеңестік кезеңдегі Қазақстан тарихын шынайы түрде қарастыру, соның ішінде аштық пен саяси қуғын-сүргін тарихы мәселесі айтылған. Яғни, ұлттық құрылыс пен ұлттық бірегейліктің қалыптасуы – әрбір жас мемлекет үшін маңызды құбылыс. Сондықтан тарихи оқулықтар ұлттық сананың қалыптасуының бастапқы негізін қалайды және соның құралы қызметін атқарады.

Қолданылған әдебиеттер тізімі

1. *Anthony D.* Smith, «Ethnic Myths and Ethnic Revivals», Journal of European Sociology, vol. 25, 1984, p. 288.

2. *Jercy J.* Smolicz, «Tradition, Core Values and Intercultural Development in Plural Societies,» *Ethnic and Racial Studies*, Vol. 11, No. 4, 1988, p. 394.

3. История Казахстана в 5 томах. Т. 1. – Алматы, 1996. – С.7.

4. Конституция Республики Казахстан // www.akorda.kz

5. *Мажитов С.Ф.* Историк Ермухан Бекмаханов. – Астана: Фолиант, 2005. – 264 с.

6. *Валиханов Ч.Ч.* Избранные произведения. – Алма-Ата: Художественная литература, 1952. – 643 с.

7. *Амантай Какен.* Мустафа Шокай – рыцарь свбоды // Общественная позиция. – № 16, 02.05.2013.

8. Интернет-источник: http://www.altyn-orda.kz/d-danilevskij-mustafa-shokaj-sotrudnichavshij-s-fashistami-vozveden-v-kazaxstane-v-geroi/

ВОПРОСЫ МЕТОДИЧЕСКОГО И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КАЗАХСТАНСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Бабалиев Сеит Умерсенович

Важнейшим вопросом научного и методологического обеспечения национального строительства кроме собственно этнокультурных исследований отдельных этносов являются межэтнические отношения, которые сегодня стали важнейшим элементом казахстанской социально-политической реальности. Многие постсоветские государства сегодня расплачиваются за отсутствие в прошлом достаточных возможностей и конкретных шагов по изучению и гармонизации межэтнических отношений. Межэтнические и межконфессиональные конфликты, насилие, к сожалению, сопутствуют новейшей истории Украины, Сирии, государств Кавказа, наших ближайших соседей - Кыргызстана, Китая. Сегодня нужно искать новаторские способы их изучения с целью предупреждения межэтнической напряженности и конфликтности.

В настоящее время мы начинаем понимать, что без методически и методологически грамотного обеспечения исследований специфики жизнедеятельности, культуры того или иного конкретного этноса невозможно формирование адекватной социальной и государственной политики.

В Казахстане сегодня в мире и согласии проживает более 130 этногрупп, имеющих свое происхождение, этнопсихологические особенности, культуру и т.д. Этнос – это один из важнейших структурных элементов человеческого общества и представляет собой исторически сложившуюся устойчивую совокупность людей, объединённых общими объективными либо

субъективными признаками, в которые различные направления в этнографии включают происхождение, язык, культуру, территорию проживания, самосознание и др. [1]. Изучение этнопсихологических особенностей различных этносов нашей страны позволит получить не только эмпирические данные, но и разработать механизмы их взаимодействия, направленные на взаимную интеграцию культур, предотвращение конфликтных ситуаций и, в конечном счете – укрепления казахстанской модели межэтнического единства и согласия.

В связи с этим, сегодня возникает необходимость в проведении детальных исследований, направленных на изучение этнической психологии как отдельных этногрупп, так и взаимоотношения между ними. Такие исследования требуют объективного и обоснованного подхода, полноценного кадрового обеспечения, ибо необоснованные, дилетантские заключения о психологических особенностях тех или иных народов могут задевать этнокультурные чувства и провоцировать неадекватные реакции.

Этнопсихологические исследования делятся на две большие группы - межэтнические (кросскультурные) и внутриэтнические. При межэтнических исследованиях предметом исследования являются контакты представителей двух или более этнических групп, затем результаты, полученные в ходе психологического исследования этнических групп, сравниваются между собой.

В случае внутриэтнических исследований изучают представителей только одной этнической группы (например, исследуют этническое самосознание конкретного народа, отношение к другим этническим группам, поведенческие реакции в отношении представителей других титульных и соседствующих наций) [1].

Методические приемы, применяющиеся в этих двух основных направлениях исследований, также существенно различаются.

Межэтнические исследования направлены на сравнительное изучение психологического своеобразия национальных

общностей. Цели таких исследований могут существенно различаться по своим методическим и методологическим характеристикам, обусловленным конкретными социально-психологическими особенностями. Для нас особенно актуальными становятся исследования индивидуальных и групповых ценностей и установок, социально-экономические и структурные изменения, которые повлекли за собой рыночные реформы, и которые, в свою очередь, повлияли на те ниши, которые заняли казахстанские этносы в социальной структуре общества.

Межэтнические исследования имеют традиционную схему построения. В зависимости от целей подбирается методика, адекватная поставленным задачам, и по ней проводится сравнительное исследование испытуемых двух и более этнических групп. Результаты обеих групп сопоставляются и анализируются. Методика выбирается из арсенала методов, созданных в других отраслях психологии, и в неизмененном виде применяется в ходе этнопсихологического исследования.

Само по себе этнопсихологическое исследование, являясь достаточно сложным и объемным по содержанию, чрезвычайно значимым по своим результатам, всегда должно опираться на определенную систему анализа, фундамент которой составляют конкретные принципы изучения, важнейшими из которых являются:

1. Принцип учета различных факторов формирования этнической общности и ее психологии;

2. Принцип анализа этнопсихологических особенностей представителей того или иного этноса в единстве с проявлениями других их характеристик;

3. Принцип учета многообразия проявлений этнопсихологических характеристик людей;

4. Компаративные (сравнительные, аналитические) принципы в анализе этнопсихологических особенностей [2].

Принцип учета различных факторов формирования этнической общности и ее психологии предполагает изучение национальной психологии как продукта исторического, экономического, политического и культурного развития и дру-

гих условий, в которых живет данная этническая общность на протяжении длительного времени. Только при таком подходе можно правильно изучить, интерпретировать и осмыслить этнопсихологические особенности представителей того или иного народа и специфику их проявления.

Исторический анализ в значительной степени делает понятными структурно-функциональные подходы к таким явлениям как внутригрупповая сплоченность, способы межэтнической и внутриэтнической идентификации, самоидентификация на личностном и групповом уровнях [3].

В изучении этнопсихических особенностей необходимо, кроме того, учитывать специфику проявления исторической памяти нации, характер природной среды, в которой она формировалась, генезис ее социального развития, специфику быта, жизни и деятельности, взаимоотношений внутриэтнических групп, ее составляющих, своеобразие культурных связей с соседствующими этническими общностями. В каждом отдельном случае в качестве главных определяющих принципов выступают, прежде всего, экономические и социально-политические условия развития этнической общности [4].

Вышеуказанные принципы и подходы к анализу этнопсихологических особенностей представителей того или иного этноса в единстве с проявлениями других их характеристик должны ориентировать Научно-экспертные группы Ассамблеи и другие исследовательские коллективы на объективное осмысление того, как у различных социальных и этнических групп в структуре их общественного и индивидуального сознания переплетаются черты этнокультурной, сословной, конфессиональной, профессиональной, возрастной психологии.

К основным методам этнопсихологических исследований относятся: наблюдение, опрос, беседа, интервью, тестирование, эксперимент и др. [2]. Думается, что в контексте стоящих перед нами задач необходимо с привлечением психологов и социологов начать исследования, пусть и не такие сложные и затратные, но опирающиеся на свои местные методики изучения жизнедеятельности этнических групп.

Так, например, наблюдения дают начальные сведения об образе жизни, культуре, быте, поведении людей. Наблюдение требует большого опыта, особой способности увидеть специфическое в каждом явлении. Но даже при значительном опыте исследователь бывает не в состоянии подняться над субъектными предпочтениями и пристрастиями. Результаты таких наблюдений оформляются в виде произвольных описаний, а это тоже их недостаток.

Чтобы сделать наблюдение более надежным методом, нужно предложить единые стандартизированные условия и объекты обследования, а главное, критерии оценки в целях сравнимости результатов. Необходимо выработать общие положения относительно отбора системы фактов. В этом нам видится отдельная задача, стоящая перед исследователями.

Методы анкетирования применяются с использованием анкеты, вопросников и метода интервью. Значение их определяется массовостью (в смысле числа обследуемых индивидов), возможностью унифицировать анкеты (что делает результаты опроса сопоставимыми), в какой-то степени формализовать собираемые сведения и получить достаточно однородные статистические данные, которые в дальнейшем могут быть подвергнуты статистической обработке. Последнее позволяет подробно анализировать отдельные явления, степень их взаимозависимости, динамику различных процессов в контексте первоначальных задач по исследованию алматинских этнических групп.

Анкетная методика предполагает быстрый однозначный ответ («да-нет») на заданный вопрос. Этот метод позволяет собрать данные о некоторых психологических характеристиках испытуемых, особенностях поведения и межличностных отношениях, а также социологические данные о социально-экономических стратегиях алматинских этногрупп.

Метод интервью состоит в сборе информации от респондентов в виде отдельных высказываний или, скажем, эссе представителей этнических групп с последующим разбором лингвистических особенностей, приемов анализа и рассмотрения текстов интервью.

Метод интервью применяют обычно на предварительных этапах исследований для первоначального общего знакомства с этнической группой. Для того чтобы метод интервью был более применим в этнопсихологической практике, процедура его проведения должна быть строго формализована, чтобы рассказы респондентов были более сопоставимы. Сложность использования данного метода заключается в свободном характере представления материала, трудностях его дальнейшей обработки.

Поэтому важнейшей нашей задачей должны стать первые самостоятельные шаги по разработке вышеобозначенных методик, принципов и подходов к исследованию алматинских этнических групп. Наиболее эффективными методами исследования этносов г. Алматы могли бы быть фундаментальные диссертационные исследования по каждому алматинскому этнокультурному объединению с привлечением ведущих ученых социологов, этнологов, политологов, магистрантов и докторантов вузов города, занимающихся этнопсихологическими исследованиями. Проведение таких исследований позволит получить более полную информацию о культуре, традициях, обычаях, ценностях как отдельных этносов, проживающих на территории Республики Казахстан, так и их стратегиях в межэтнических отношениях.

Для этого необходимо разработать конкретно-научные планы, тематики и методологию проведения диссертационных исследований, определение руководителей работ и установление конкретных сроков проведения исследований и защиты диссертационных работ. На защите диссертационных работ в дискуссии могли бы принимать участие как члены диссертационных советов, представители Научно-экспертных групп, так и представители этнокультурных объединений.

Только реальные практические шаги содружества ученых и общественных деятелей-практиков в сфере изучения этнопсихологических особенностей локальных казахстанских этногрупп позволят решать многие внутри- и межэтнические проблемы осознанно, выходя на новые уровни исследований,

позволяющие формулировать научно-практические рекомендации, опирающиеся на конкретный эмпирический материал.

Список использованных источников

1. *Андрамонова И.М.* Этнология: учебник / И.М. Андрамонова. – М.: Владос-Пресс, 2002. – 192 с.

2. *Крысько В.Г.* Этническая психология. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 320 с.

3. *Джакупов С.М.* Этнические предубеждения как проявление смысловых барьеров / С.М. Джакупов, Н.В. Нигай // Вестник НПК. – 2009.

4. *Джакупов С.М., Исаханова А.А.* Межэтническое взаимоотношение основных этносов Казахстана // VII Международная научно-практическая интернет-конференция «Альянс наук: ученый – ученому» (15-16 марта 2012 г.)

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Биекенова Никара Жалгасбаевна

Казахстан, как полиэтничное государство, выстраивает свою выверенную и эффективную политику в отношении этнических групп как совокупной составляющей нации [1]. Межэтнические отношения в Казахстане, по мнению большинства, могут быть охарактеризованы как «спокойные». Так показывают многие социологические опросы, где в целом население и, в частности, молодежь считают, что такие проблемы как обострение межэтнических отношений и обострение отношений между разделением религиозной веры не стоят. Данный факт указывает на созданные государством благоприятные условия в сфере межэтнических отношений. Демократизация общества обеспечила условия для возрождения и развития культуры и языков народа Казахстана, а развитие на основе гражданской общности всех казахстанских этносов способствует гармонизации межэтнических отношений.

Вместе с тем имеется ряд социальных факторов, отрицательно влияющих на состояние межэтнических отношений: невысокий уровень жизни, безработица, миграция. Особенно это касается проблем молодежи в сфере труда и внутренней миграции.

Социальное развитие молодежи имеет ряд особенностей. Эти особенности связаны с тем специфическим местом, которое занимает данная социально-демографическая группа в современном обществе. Молодежь Казахстана в возрасте от 14 до 29 лет составляет свыше 27% населения страны, это 4 миллиона 600 тысяч человек. В городской местности проживает – 55%, в сельской – 45% [2].

В настоящее время в демографической ситуации определяющим большинством являются азиатские этносы, представленные народами тюркской группы. Численность казахов, узбеков, уйгур за 20 лет увеличилась в 1,5 раза. Согласно данным Комитета по статистике, доля казахской молодежи в этническом срезе равна 66% от всей численности молодежи (из них 52% городского населения, 48% сельского); узбекской – 3% (из них 39% городской, 61% сельской); уйгурской – 1,4% (из них 45,8% городской молодежи, 54,2% сельской); татарской – 1% (из них 74,8% городской молодежи, 25,2% сельской). Тогда как численность европейских этнических групп за тот же период уменьшилась в 1,9 раза. Доля русской молодежи в этническом срезе равна – 17,4% от всей численности молодежи (из них 73% городской, 27% сельской); украинской – 1,1% (из них 53,9% городской молодежи, 46,1% сельской); немецкой – 1% (из них 53% городской молодежи, 47% сельской) [2].

Проблемы развития молодежи в сфере труда. За годы независимости произошли позитивные изменения в структуре занятости молодежи. Наблюдается рост числа молодежи в отраслях сравнительно новых: информационно-вычислительное обслуживание, операции с недвижимостью, общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка, но это характерно для более старшей возрастной группы (24-29 лет).

Современная ситуация, характеризующая положение казахстанской молодежи на рынке труда в последние годы, является сложной, есть определенные тенденции к ухудшению. Повышается уровень скрытой безработицы среди молодежи.

Анализ структуры занятости молодежи по секторам экономики показывает, что по сферам молодежной занятости на первом месте – сельское хозяйство и сфера торговли. Традиционно к числу организаций с высоким уровнем работающей молодежи относятся сфера предоставления услуг: кафе, рестораны, ночные клубы и различного рода увеселительные учреждения, торговые точки. Это сектора экономики, поглощающие часть молодежи, которая только вступает на рынок

труда, не имея квалификации, опыта и с низким уровнем образования.

Следует отметить следующие особенные черты межэтнических отношений в социально-экономической сфере. Форсированная этническая дифференциация, социальное и экономическое расслоение в обществе в условиях начавшейся модернизации могут спровоцировать рост социальной и межэтнической напряженности. Согласно данным исследования, проведенного в 2010 году Казахстанским центром гуманитарно-политической конъюнктуры, малые этнические группы, как правило, концентрируют в своих руках значительные торговые и коммерческие активы. Подобное положение дел сложилось еще в советский период, когда в условиях относительно невысокой поляризации населения по уровню доходов малые этнические группы доминировали в сферах торговли, услуг и снабжения. Это обеспечивало им более высокий уровень реальных доходов [3].

В данном случае речь идет о том, что имеющиеся диспропорции в распределении социальных шансов и материального благополучия, а также социокультурный разлом между городом и селом могут привести к разногласию в плоскости межэтнических отношений. В итоге вероятна межэтническая напряженность, спровоцированная недовольством этнических казахов, которые в своем большинстве являются внутренними мигрантами из числа «вчерашних» сельских жителей, вследствие чего может вырасти общее недовольство проводимой социально-экономической политикой государства.

Побочным эффектом неприятия сложившегося социального дисбаланса и диспропорций социальной политики может явиться психологическая агрессия среди определенной части казахского населения по отношению к другим этносам, которым, по их мнению, в силу разных причин достались «лучшие», чем казахам, социальные и экономические шансы [3].

Таким образом, одной из задач современной политики государства является выявление места этничности в стратификационной иерархии современного казахстанского общества

и, особенно, в социально-профессиональной структуре. Социальный статус, приписываемый общественным сознанием этническим общностям, может повлиять на межэтнические взаимоотношения [4]. Целью национальной политики является обеспечение прав и свобод граждан независимо от этнической принадлежности, формирование цивилизованных форм межнационального общения и мирных способов разрешения конфликтных ситуаций, совершенствование механизма действенного регулирования этнических процессов в стране [1].

Образовательные различия молодежи. Для сельской молодежи проблемы занятости стоят острее, чем для городской молодежи. В «Программе занятости 2020» отмечается, что «особую тревогу вызывает положение сельской молодежи, которая в силу ограниченного доступа к получению профессионального образования практически неконкурентоспособна на рынке труда». Поэтому рынок труда предоставляет большую свободу для городской молодежи в выборе профессии и мест трудовой деятельности, от которой зависит размер заработной платы.

Спецификой Казахстана является высокий уровень самозанятости, который маскирует скрытую безработицу. Президент РК Н.А. Назарбаев впервые в своем Послании 2011 года обозначил самозанятость как проблему. Ее численность составляет 33% от занятого населения страны. Тогда как в США, Франции, Германии, Австралии и Великобритании доля самозанятых составила 7,1-13,6%. Из 2,7 млн. чел. самозанятых 70% проживают в сельской местности, причем эта доля стабильна.

Статистика показывает, что среди самозанятых основную долю составляют женщины и молодежь. По данным статистики, более 50% молодежи на селе считались самозанятыми и только 22% городской молодежи имели тот же статус.

Можно предположить, что в условиях Казахстана фактор расселения приобретает этнический характер, потому что он определяет социальные конфигурации молодежи различных этносов. Поселенческий фактор и разделение труда – это те социальные детерминанты, которые принимают этническую окраску, так как сельское население в основном – казахское.

Наличие неформального сектора ослабляет политические и экономические институты. А главное негативное воздействие неформальной экономики на молодежь выражается в потере веры в социальные институты; в воздействии неформальных подходов на государственную политику; в недоверии к существующим законам и в потере надежды в справедливость, получении социальных гарантий; в массовой миграции наиболее подготовленной и работоспособной части населения [5].

Итак, структура занятости и образовательный потенциал разных этносов РК существенно влияют как на социально-экономическую ситуацию в условиях модернизации, так и на межэтническую сферу.

Внутренняя миграция молодежи. Основным субъектом миграционного процесса в Казахстане является молодежь. Свидетельством миграции сельской молодежи в город является то, что в возрастной структуре сельской молодежи наблюдалось некоторое снижение доли граждан в возрасте 25-29 лет и увеличение данной возрастной группы в среде городской молодежи.

Основная причина оттока сельской молодежи в город – продолжение образования и трудоустройство, а также низкий уровень социальной инфраструктуры. В региональном разрезе больше всего сельской молодежи в ЮКО (22,9%) и Алматинской области (19,7%). В этих двух регионах сосредоточено почти 43% всей сельской молодежи Казахстана.

Особенностью урбанизации в Казахстане является то, что она происходит не в результате структурных изменений производства, а по причине «выталкивания» в города сельского населения. Безусловно, в двух крупнейших городах республики больше возможностей трудоустроиться, получить образование. Но стихийная, неконтролируемая миграция приведет к тому, что доля городского населения начнет намного превышать долю экономически активного городского населения, занятого в производственной и непроизводственной сферах. Прибывающее в города сельское население пополняет армию безработных, а недостаток жилья вызывает появление небла-

гоустроенных городских окраин (например, микрорайон Шанырак). Отличие от истиной урбанизации состоит в том, что не происходит развитие городских функций, город не «подтягивает» культурно мигрантов [6].

Все это тормозит процесс их социализации, они в массе своей не посещают культурные центры большого города, остаются для города чужими. В этом состоянии они могут прожить долгие годы. Распределение социального статуса личности в обществе в процессе конкуренции должно происходить таким образом, чтобы существовали положительные стимулы для выполнения своих функций и обязанностей. В противном случае, последует девиантное (отклоняющееся) поведение, что является симптомом противоречия между общественными нормами и средствами их реализации. А в случае ослабления институциональных способов деятельности масс общество становится нестабильным и в нем развиваются явления, которые Э. Дюркгейм [7] называл «аномией», аморальностью, нежеланием участвовать в созидательном труде, увеличением криминогенности и т.д., что свидетельствует о нестабильности общества.

В ситуации аномии человек, никуда не уезжая, чувствует себя в родном обществе полностью дезориентированным, чужаком, маргиналом. Симптомами аномии являются неуверенность в завтрашнем дне, социальный страх, одиночество, беспокойство и высокая внушаемость. Аномия сопровождается также чувством униженности, как личностной, так и этнической. В связи с этим, встает вопрос, возможно ли реальное развитие общества, когда его члены чувствуют себя униженными, несоответствующими времени, с ущербной идентичностью, а социальные условия препятствуют раскрытию их творческого потенциала.

Казахстанские исследователи [8] отмечают, что мигранты в г. Алматы – это труд без гарантий, отсутствие социальных условий и ответственности работодателя, низкий оклад. Во многом их положение схоже с положением иностранных гастарбайтеров, но есть одно отличие – наличие казахстанского гражданства.

Миграционные процессы являются серьезным фактором, усиливающим давление на общественно-политическую и экономическую системы страны. Процесс внутренней миграции остановить сложно. Политика создания новой экономической системы на сельских территориях пока не принесла желаемых результатов, поэтому инерция миграционного процесса будет сохраняться. Сегодня городские власти Алматы стали проявлять внимание к проблеме внутренних мигрантов. Вместо организованных сносов жилых построек и судебных процессов против самозахватчиков городское руководство предпочитает подходить к решению многих накопившихся проблем в правовом русле [9].

Сегодня появились новые виды и сферы деятельности, новые социальные слои, а отсюда может возникнуть конкуренция между этническими группами, которые претендуют на участие в распределении отношений. Это та часть проблем, которые есть в казахстанском обществе и которые могут при ухудшении общей социально-экономической ситуации принять этническую окраску.

Вхождение Казахстана в рыночные отношения делает актуальным исследование неравенства этнических групп как социальной проблемы. И здесь важным является анализ социально-профессиональной стратификации этнических групп, особенно молодежи. Ее можно выделить через определение слоев по содержанию условий труда, через образование, квалификацию, доход, поселение - город / село. Все эти показатели поддаются объективным количественным измерениям. Такие индикаторы экономического положения этнических групп, в том числе и молодежи, помогают сформировать расширенное представление о текущей межэтнической ситуации в стране.

При исследовании данной проблемы авторы приходят к выводу, что нет статических данных в этническом срезе по таким направлениям, как занятость, образование. В современных условиях необходимо осуществление скоординированных мер органов государственной власти с этнокультурными

объединениями, чтобы способствовать регулированию проблем молодежи социально-экономического характера. Информацию о числе рабочих, бизнесменов, ученых, о вопросах трудоустройства и занятости могут предоставить только этнокультурные объединения. Из таких данных составляется статистический портрет казахстанцев, который является основанием для изучения и выработки научно-практических рекомендаций, в том числе и в сфере межэтнических отношений.

Список использованных источников

1. Особенности межэтнических отношений и межэтнических конфликтов в Казахстане // http://cc-sauran.kz/rubriki/safety/19-osobennosti-mezhetnicheskih-otnosheniy-i-mezhetnicheskih-konfliktov-v-kazahstane.html

2. Комитет по статистике РК // http://www.stat.gov.kz/

3. Межэтническая ситуация в Казахстане: динамика и тенденции // http://www.zonakz.net/articles/28020

4. *Дробижева Л.М.* Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. – М.: Academia, 2002. – 480 с.

5. Разработка политики и мер, направленных на содействие перехода от неформальной к формальной (официальной) занятости (на примере Республики Казахстан) // Материалы Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан и Международной организации труда. – Астана, 2012.

6. *Домнин С., Грибанова С.* Чужие в городе // Эксперт Казахстан. – №45 (386). – 12 ноября 2012.

7. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд / Под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.

8. *Кожахметов А., Асанбаев М.* Внутренняя миграция в Казахстане: в поисках решения. – Алматы: «РОО «Шанырак» - Центр социально-гуманитарных исследований «Аспект М», 2010. – 180 с.

9. *Махмутова А.* Внутренняя миграция молодежи в Казахстане: на примере г. Алматы. – Алматы, 2012. – 70 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МОНИТОРИНГА ЭТНОГОСУДАРСТВЕННЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Дунаев Владимир Юрьевич,
Курганская Валентина Дмитриевна

Радикальные сдвиги в эпистемологических основаниях постнеклассической науки до сих пор практически не сказываются на методологии конкретно-социологических исследований. Сложившаяся ситуация в достаточной степени парадоксальна, поскольку именно социальная теория выступила привилегированной областью применения постнеклассической общенаучной парадигмы в области гуманитарного знания.

Сегодня считается общепризнанным положение о том, что ядром постнеклассической методологии междисциплинарных научных исследований выступает синергетика. Объектом синергетики являются процессы развития и самоорганизации нелинейных систем самой разной природы, в том числе сложных «человекомерных» технических и социальных систем. В основе моделирования поведения таких систем лежит математический аппарат нелинейной динамики. Этот аппарат позволяет редуцировать многомерную систему причинно-следственных и функциональных зависимостей к небольшому числу параметров порядка, на основе которых строятся прогностические модели.

«Повсеместное распространение математического моделирования сегодня приводит к переоценке метафизических и онтологических оснований реальности, зачастую понимаемых теперь как набор частнотеоретических, полидисциплинар-

ных, мультимодельных образов насущных практик» [1, с. 24]. Применительно к предметной области социологии межэтнических отношений методологический императив сшивания реальности из «наборов мультимодельных образов насущных практик» выступает особо явственно. Редуцированные к тем или иным односторонним взглядам представления о природе и особенностях феноменов нации, этничности, национальной и этнической идентичности и т.д. воплощаются в соответствующие односторонние, а потому дисфункциональные политически-управленческие программы. Поэтому в проведении мониторинга, прежде всего, следует определиться с вопросом о природе тех элементов, из которых собирается мозаика межэтнических взаимодействий.

Как отмечается практически всеми авторами, современной наукой не выработано общепринятого определения понятий «этнос», «нация» и прочих терминов этого ряда. Обобщая различные направления и подходы к решению вопроса о сущности этноса и этничности, можно выделить 3 основных типа учений: примордиализм, инструментализм, конструктивизм. В основание этой классификации положен такой критерий, как объективный (примордиализм, субстанциализм, эссенциализм), либо субъективный (конструктивизм) источник феномена этничности. Инструментализм занимает промежуточную позицию: отказываясь от выбора между объективистскими и субъективистскими интерпретациями сущности этничности, инструментализм видит свою задачу в анализе тех функций, которые выполняют этнос и этничность в жизни человека и человеческих обществ.

Субстанциализм (примордиализм, эссенциализм)		
Типы концепций	**Дефиниция этноса**	**Основание или источник феномена этничности**
Натуралистическая (природно-антропологическая) интерпретация этничности (Геродот, Ш. Монтескье, К. Гирц, Х. Айзекс, П. Ван ден Берге, Л.Н. Гумилёв)	Этничность – врожденная характеристика индивида, имеющая объективные основания в генетических, биофизических или природно-географических факторах	Природно-географическая детерминация этнических феноменов
		Биофизическая детерминация этнических феноменов
		Генетико-биологическая детерминация этнических феноменов
Социально-биологическая интерпретация этничности (Р. Шоу, Ю. Вонг , де Местр, В. Вундт, Г.В. Малинин)	Этнос – биосоциальное образование, архетипически заложенное в коллективном бессознательном: «Ключевым моментом этнического является встреча сознания с бессознательным, или этническая апперцепция» [2, с. 68]	Этничность определяется двойственной социально-исторической и природно-биологической детерминацией.
	Этнос - конкретное единство истории людей и истории природы, субстанция их органической целостности [3, с. 18]	
Социокультурные концепции этноса (Ю.В. Бромлей, А. Бастиан, Ф.И. Нейман, А. Фиркандт, Р. Шпрингер, О. Бауэр, Т. Парсонс, Э. Гелнер)	Этничность – характеристика объективно-исторически обусловленных особенностей материальной и духовной культуры	Социально-историческая детерминация
		Культурно-историческая детерминация
		Социально-психологическая детерминация
		Духовная детерминация

Антисубстанциализм (субъективизм)		
Типы концепций	**Дефиниция этноса**	**Основание или источник феномена этничности**
Конструктивизм (Ф. Барт, Г. Кан, Х. Сетон-Уотсон, Э. Карр, Дж. Комарофф, Б. Андерсен, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, П. Бурдьё, В.А. Тишков, В. Воронков, Р.К. Кадыржанов)	Этнос – «воображаемое сообщество», социальный конструкт для проведения символических границ и социокультурных различий / идентификаций	«Этнические группы и границы между ними определяются результатами социальной практики, а не заданы изначально и не связаны с некоей эссенциальной данностью» [4, с. 7]
Инструментализм (К.В. Дейч, П. Лудц, Д. Хоровиц, Дж. Нейджел, Н.Н. Чебоксаров, С.А. Арутюнов)	Этничность – инструмент социальной и политической мобилизации, средство достижения групповых интересов	Этнические идентификации выступают результатом противодействия политических сил, союзов, группировок, религиозно-философских учений, социальных идей и т.д.

Как видно, амплитуда научно-теоретических подходов к интерпретации феномена этничности распространяется до самых крайних, полярно противоположных позиций. Между этими крайними, антагонистически противопоставленными друг другу точками смыслового спектра располагается ряд промежуточных, гибридных определений. При этом практически неразрешима задача выбора предметно релевантной теории по некоторому объективному критерию. Ю.М. Лотман указывает: «В современной логике общеизвестно, что если взять любое произвольное положение и с его точки зрения описать некоторую сумму фактов, то само это положение неизбежно окажется как бы итогом всего изучаемого развития исследуемых фактов» [5, с. 448]. Эта ситуация со всей очевидностью проявляется в сфере теории этноса.

Рядом исследователей необходимость преодоления крайностей примордиалисткой и конструктивистской парадигм

осознана и выведена на уровень общеметодологического требования. Так, например, анализируя существующие концепции этноса, Г.В. Малинин отмечает, что ни один из этих подходов не может дать полного, исчерпывающего определения феномена этничности. Вместе с тем каждая из концепций отражает определённые признаки и характеристики этничности, поэтому в своём взаимодействии они не только взаимно противоречат, но и дополняют друг друга, «что позволяет объединить их для целостного познания исследуемого явления» [3, с. 13]. В работах Л.М. Дробижевой предпринята попытка «соединить конструктивистский и примордиалистский подходы к исследованию культурных границ как группового, социально обусловленного феномена и явления культурной дистанции, как субъективного образа «близости-далекости» культур» [6, с. 27].

Однако программы создания такого рода интегрированной концепции этничности априорно невыполнимы. Если мы не можем ни доказать, ни опровергнуть предметную истинность какой-либо из альтернативных теорий, то любой способ их интеграции станет лишь репликацией, умножением этой невозможности.

В. Коршунов и А. Чеботарёв предложили экспертному сообществу РК определиться в процессе профессионального обсуждения с такой проблемой, как общепринятая терминология в сфере межэтнических отношений, существующие концепции и системы их аргументации в привязке не только к мировой, но и, прежде всего, к казахстанской действительности [7]. Однако результатом такого обсуждения могут быть, в лучшем случае, конвенциональные определения – т.е. соглашения об условно принимаемых интерпретациях понятий без претензий на их истинность. Для развития собственно науки такого рода соглашения безразличны или даже контрпродуктивны. Э. Хобсбаум, анализируя существующие концепции этноса и нации, приходит к выводу: «И субъективные, и объективные определения несовершенны и ставят нас в тупик. В любом случае самой разумной исходной установкой для ис-

следователя является в данной области агностицизм» [8, с. 17]. Конечно же, агностицизм нельзя квалифицировать не только как самую разумную, но и как вообще согласную с разумом установку. Действительно рациональной стратегией выхода из теоретического тупика в научном определении понятий является перевод дискурса этничности на метатеоретический уровень.

«Фундаментальным положением логики является то, что язык объекта и язык описания (метаязык) составляют две иерархически различные ступени научного описания, смешение которых недопустимо: язык объекта не может выступать в качестве собственного метаязыка» [5, с. 449]. Метаязыком мониторинга сферы межэтнических и этногосударственных отношений может выступить язык слабо формализованной, метафорической синергетики человекомерных систем. Этот язык позволяет сконфигурировать когерентный спектр моделей этносферы как динамической системы в полиморфных терминах трансдисциплинарного дискурса, предполагающего открытую форму рациональности.

К линейным системам применим принцип суперпозиции, позволяющий независимо рассматривать различные действующие факторы, части системы и т.п. В нелинейных системах возникают периодические или непериодические колебания, которые стали называть автоволновыми процессами, и пространственно-неоднородные стационарные (т.е. не зависящие от времени) распределения переменных, которые И. Пригожин предложил называть диссипативными структурами. Описание таких структур и процессов, как правило, возможно лишь в статистических терминах в силу характерного для многих нелинейных систем хаотического поведения, ограничивающего возможности детерминированного описания вероятностных распределений и корреляционных функций.

Мониторинг межэтнических отношений, как правило, ориентирован на линейное поведение описываемой системы. Стандартная установка на линейное моделирование и прогнозирование работает вполне эффективно вблизи оптимальных

параметров гомеостаза системы, когда незначительные флуктуации не нарушают её динамического равновесия. Однако большинство систем, в том числе все человекомерные системы, относятся к немарковскому типу (т.е. в них нынешнее состояние системы не определяет однозначно её состояние в следующий момент времени), поэтому и задачи оценки ситуации, выбора альтернатив и принятия решения в отношении стабильных неравновесных структур открытых диссипативных систем всегда нелинейны. «Линейные стратегии мышления экономны и эффективны, но лишь в ограниченных рамках гомеостаза, вне которых они обманчивы, а порой и опасны» [1, с. 55].

В концепции синергетики ведущую роль играют понятия управляющих параметров и параметров порядка.

Управляющие параметры или условия среды накладываются на систему извне. Если при изменении управляющих параметров структура системы сохраняется, то такая структура называется устойчивой. Синергетика фиксирует свое внимание на неустойчивых состояниях, т.е. на тех ситуациях, когда при изменении управляющих параметров система меняется качественно, создавая новые специфические структуры, что и является феноменом самоорганизации.

В синергетике установлено, что поведение системы в зонах неустойчивости определяется немногими переменными. Эти факторы именуются параметрами порядка. Фактически поведение системы описывается в синергетике через анализ состояния и динамики изменения управляющих параметров и параметров порядка. Параметры порядка могут возникать или принимать новые значения при изменениях управляющего параметра. Когда колебания параметров порядка достигают критической величины, система входит в зону критических флуктуаций. Новое упорядоченное состояние возникает на основе случайных событий, генерирующих новые параметры порядка. Применительно к социальной реальности Г. Хакен выделяет такие параметры порядка, как язык, государство, культура, законы, ритуалы, табу, мода, научные парадигмы и т. п. [9].

В отличие от многих других задач прогноза объекты диагностики кризисных ситуаций в развитии межэтнических и этногосударственных отношениях не определены. Для выявления и ранжирования этих ситуаций составляется по возможности широкий список (сетка) событий, «подозреваемых» как симптомы или предвестники кризисных и нестабильных ситуаций, после чего работа с соответствующими экспертами сочетается со сканированием временных рядов изменений индикаторов различными статистическими методами с целью поиска моментов изменения в поведении системы.

Следует отметить, что впервые указанная проблема научно-методического обеспечения мониторинга обсуждалась отечественными учеными и аналитиками 23–24 мая 2001 г. в г. Алматы на международном семинаре «Мониторинг межэтнических отношений в Казахстане: опыт, эффективность, перспективы» [10]. В своём выступлении Б. Султанов выделил следующие параметры, которые были намерены использовать ученые КИСИ в проведении мониторинговых исследований межэтнической напряженности:

- состояние демографических, в том числе миграционных процессов;
- изменение в экономической, социальной сферах;
- положение в области культуры, образования;
- положение в СМИ;
- межэтнические контакты на уровне региона и по республике в целом;
- формы этнической мобилизации, тесно связанные с национальными движениями;
- этнические стереотипы;
- властно-политические отношения – в первую очередь, этническая представленность в государственном аппарате центрального и местного масштабов, наличие политической партии и т.д.;
- трансформация этнического самосознания;
- выяснение этнополитических реакций на явления национального государственного строительства;
- религиозные процессы;

- внешние явления.

КИСЭИП (Казахстанский институт социально-экономической информации и прогнозирования, директор – С. Жусупов) на протяжении ряда лет проводил замеры уровня напряженности межэтнических отношений в РК на основе выделения ряда индикаторов. К числу основных структурных, динамических и потенциальных триггер-факторов (спусковых механизмов), способных существенно изменить межэтническую обстановку в стране, были отнесены:

- Уровень жизни населения;
- Уровень безработицы;
- Кадровая политика;
- Политика в сфере образования;
- Языковая политика;
- Миграция сельского населения в город;
- Отношения между богатыми и бедными;
- Межэтнические стереотипы;
- Уровень религиозности населения, межконфессиональные отношения;
- Уровень доверия к государственным и общественным институтам.

Мониторинговые исследования проблем межэтнического взаимодействия народов Сибири проводятся Институтом философии и права Сибирского отделения РАН. Предметом исследования учёных является конкретная форма адаптации локальных полиэтничных сообществ к современным модернизационным процессам. В качестве индикаторов выступают следующие:

- взаимодействие традиционного, промыслового и промышленного, хозяйственного комплекса освоения региона;
- занятость, миграции, социальные перемещения;
- адаптация к социально-экономическим реформам;
- этнокультурная специфика развития региона;
- система национально-территориального самоуправления и ее сопряжение с системой государственного управления;

- социально-политическая ситуация в регионе;
- соотношение центральной государственной власти и традиционных властных структур.

«Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в Республике Казахстан». Целью НИП является системное исследование социально-экономических, политических, духовно-нравственных и организационно-управленческих параметров консолидации полиэтнического и поликонфессионального казахстанского общества, выявление трендов этноконфессиональной сферы.

Институтом философии, политологии и религиоведения на протяжении ряда последних лет проводится мониторинг межэтнических отношений. К числу факторов индикаторов межэтнической напряженности (фоновых и динамичных) в этом исследовании отнесены следующие параметры:

- языковая, кадровая, ономастическая, миграционная политика,
- трудовые конфликты в международных компаниях,
- приграничные конфликты,
- использование этнического фактора в политических целях (выборы),
- уровень жизни различных этносов,
- организация и качество обучения государственному языку,
- наличие этнических предубеждений и стереотипов,
- экономические и культурные ниши этнических групп,
- адаптация этнических репатриантов и др.

Анализ социальной информации позволил выделить ряд индикаторов напряженности в этноконфессиональной сфере; большинство из них остаются актуальными на протяжении трех лет мониторинга.

В 2012 г. определены следующие индикаторы:

- недовольство казахского и русскоязычного населения темпами внедрения казахского языка (чрезмерно форсированного с точки зрения русскоязычных, замедленного – с точки зрения казахов);

- возрастание требований национал-патриотов к языковой политике;
- снижение представительства этнических меньшинств в органах управления;
- негативное восприятие населением решений в ономастической сфере;
- проблемы адаптации этнических репатриантов, настороженное отношение к ним местных жителей;
- периодически возникающие трудовые конфликты в иностранных кампаниях, обусловленные нарушением прав местных рабочих;
- расширение влияния экстремистской идеологии;
- быстрый рост террористических угроз.

В 2013 г. выделены следующие индикаторы:

- продолжающееся недовольство некоторых этнических групп проводимой в стране языковой политикой;
- рост национализма в социальных сетях;
- негативное восприятие населением ономастической политики;
- рост бытовой преступности, когда происходящие инциденты с участием представителей различных этнических групп приобретают националистическую окраску;
- наличие трудовых конфликтов в иностранных кампаниях, обусловленных нарушением прав местных рабочих;
- проблемы адаптации этнических репатриантов (в том числе нежелание их уезжать из трудоизбыточных регионов);
- безработица сельской молодежи, особенно в местах компактного проживания этнических меньшинств;
- продолжающиеся распространение экстремистской идеологии, рост террористических угроз.

За 2014 г. вычленены следующие индикаторы:

- ужесточение требований национал-патриотов в языковой сфере (вплоть до изменения статуса русского языка);
- рост «языка вражды» в СМИ;
- рост антироссийских настроений в связи с событиями на Украине;

• возрастание активности сторонников антиевразийской интеграции;

• продолжающиеся трудовые конфликты в иностранных компаниях;

• осложнение проблем среди этнических репатриантов, связанных с прекращением действия программы «Нурлы кош»;

• наличие бытовых конфликтов, усиливающих этническую мобилизацию отдельных групп населения;

• продолжающееся распространение экстремистской идеологии, рост террористических угроз.

Как видно, набор параметров порядка в перечисленных выше моделях мониторинга существенно различаются. Эти различия неизбежны ввиду нелинейного характера исследуемого объекта. Как отмечалось выше, в основе мониторинга лежит синергетический принцип выделения из большого, а иногда бесконечного числа переменных, описывающих систему, небольшого числа параметров порядка, к которым на больших временах подстраиваются остальные степени свободы системы. Это позволяет проводить анализ нелинейной динамики системы, существенно сжав информацию. Но следует учитывать, что для сложных систем весьма вероятно получение в «штатных» и «кризисных» ситуациях разных наборов параметров порядка, что не позволит описывать их с единых позиций. Кроме того, сложность предполагает наличие у системы свойств, отсутствующих у составляющих её частей, т.е. не только выделение параметров порядка из числа старых переменных, но и формирование в процессе самоорганизации новых управляющих параметров и параметров порядка.

Синергетические понятия открытой системы и диссипативных структур определяют методологию моделирования процессов самоорганизации в контексте энергетически-информационного взаимодействия системы с окружающей средой. Межэтнические и этногосударственные отношения, представляя собой сложно организованную систему, вместе с тем являются частью (подсистемой) общих социальных, политических, хозяйственно-экономических, культурных

процессов. Нелинейное моделирование межэтнических и этногосударственных отношений должно основываться на синергетической модели информационно-энергетического взаимодействия этой сферы как диссипативной системы с социальным полем как области её управляющих параметров. Основные управляющие параметры (относительно устойчивые структуры) социального поля можно представить в виде следующей когерентной системы [1, с. 148–149]:

1. Ценностно-целевые (социо-культурные аттракторы): религиозные, светские, личные, общественные…

2. Властные (способы управления): корпоративные, либеральные, авторитарные, абсолютистские…

3. Трансформационные (положительные обратные связи): индивидуальные, пассионарные, коллективно-стихийные, протестные…

4. Структурные (иерархия, самоорганизация): бюрократические, элитарные, коллективные, соборные, сетевые…

5. Адаптивно-синтезирующие (типы гомеостаза и структура взаимосвязей социально-исторических архетипов): монархические, республиканские, либеральные, демократические, коммунистические, тоталитарные…

6. Региональных напряжений (фрактальность): локальные социальные напряжения, конфликты, акции гражданского неповиновения…

7. Метасистемные (сопряжение со средой, внешние управляющие параметры): межгосударственные войны, глобальные изменения культурных ценностей, мировоззрений, идеологий, международной и геополитической обстановки, масштабные стихийные и техногенные бедствия и катастрофы…

Социальная эволюция в квантово-полевой модели социума предстает как дерево ритмокаскадов параметров порядка, развивающихся относительно автономно друг от друга и вместе с тем создающих когерентное (взаимосогласованное) социальное поле. Организующийся в соответствии с этой матрицей ритмокаскадного моделирования структурно-функциональных состояний социальной системы мониторинг

призван: а) выявить наличие зон структурных резонансов в эволюции межэтнических отношений с перестройкой выделенных управляющих параметров социального поля; б) провести (методом последовательных приближений) оценку потенциала и интенсивности воздействия каждого из управляющих параметров на изменение характера межэтнических и этногосударственных взаимоотношений.

Полученные результаты даже при максимально возможной релевантности позволяют построить лишь ряд вероятностно-гипотетических моделей состояния и прогнозируемой эволюции сферы межэтнических отношений. Неопределённость многократно возрастает с учётом нелинейности исследуемой системы – нарушения принципа суперпозиции: результат действия суммы причин (параметров порядка) не равен сумме результатов отдельных причин.

Построение мультимодельных комплексов представляет собой сложнейшую задачу, решение которой требует разработки и реализации междисциплинарных исследовательских программ с участием социальных философов, специалистов-синергетиков и социологов. Сложности объекта мониторинга в данном случае отвечает комплексная сложность исследовательского аппарата. Однако только при таком междисциплинарном подходе социологический мониторинг может проводиться как основание прогностического моделирования, стратегического планирования и научного управления сферой межэтнических и этногосударственных отношений.

Список использованных источников

1. *Буданов В.Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е дополн. – М.: ЛКИ, 2009. – С. 24.

2. *Рыбаков С.Е.* Этнос и этническое // Философские исследования. – 2001. – № 2 (31). – С. 68.

3. *Малинин Г.В., Дунаев В.Ю., Курганская В.Д., Нысанбаев А.Н.* Теория и практика межэтнического и межкультурного взаимодействия в современном Казахстане. Учебное пособие для вузов. – Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2002. – С. 18.

4. *Воронков В., Освальд И.* Введение. Постсоветские этничности // Конструирование этничности. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – С. 7.

5. *Лотман Ю.М.* О типологическом изучении культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000.

6. Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. – М.: Институт социологии РАН, 1998. – С. 27.

7. *Коршунов В,. Чеботарев А.* Особенности национальной политики в Казахстане / Центр актуальных исследований «Альтернатива». – 2007. – № 22 (684), 8 - 14 июня / http: // www.zakon.kz/88490-osobennosti-nacionalnojj-politiki-v.html

8. *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 17.

9. *Хакен Г.* Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? // http://spkurdyumov.ru/what/primenyat-sinergetiku-v-naukax-o-cheloveke-german-xaken/

10. Мониторинг межэтнических отношений в Казахстане: опыт, эффективность и перспективы / Материалы международного научно-практического семинара. Алматы, 23 - 24 мая 2001 г. – Астана: Исполнительный секретариат Ассамблеи народов Казахстан, 2001.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КОРЕЙЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ БРАКОВ)

Ем Наталья Борисовна

Данная работа осуществлялась при поддержке Korea Foundation for Advanced Studies International Scholar Exchange Fellowship

В современной литературе понимание «смешанного брака» основано на теоретических подходах, выявленных при изучении межличностных отношений в различных государствах и общностях. Наиболее устоявшимся мнением является тот факт, что смешанные браки включают в себя понятие браков межрелигиозных, межрасовых и межэтнических. Однако теоретики называли такие браки общим словом intermarriage. Термин intermarriage обычно применяется в отношении лиц, состоящих в браке, чьи религиозная, расовая или этническая принадлежности отличаются друг от друга. Даже если партнеры в браке отличаются друг от друга только по одной из этих трех категорий, такие браки являются *intermarriage* [1].

Таким образом, смешанные браки как понятие «intermarriage», понимаются в противовес понятию «intramarriage» (внутри своей группы). В связи с этим смешанные браки разделяются по нескольким категориям. Межрасовые браки — браки между представителями различных рас. Межрелигиозные браки — браки между представителями различных религий. Здесь же могут выделяться браки между различными конфессиями внутри одной религии (межконфессиональные браки). Логическим продолжением служат межэтнические браки, как браки между мужчиной и женщиной разной этнической принадлежности. Эти категории

остаются наиболее распространенными и изученными в современной обществоведческой науке.

По принципу различий закономерным может представляться так называемый «трансграничный брак» или «международный брак». В последние десятилетия в условиях набирающей обороты глобализации, интенсификации перемещения людей и капиталов, ускорения и уплотнения времени, «сжатия» пространства благодаря быстрому распространению электронных форм коммуникации и мобильности средств передвижения по планете, в результате трансформации структуры семейной организации и функций института семьи, формирования так называемого «глобального пространства» браки, заключаемые гражданами разных государств, перестали быть исключением из правила этнической эндогамии, став обычным и достаточно распространенным явлением [2].

Под понятием «трансграничные браки» или «международные браки» понимаются браки, заключенные гражданами различных государств. Это браки с иностранным партнером, которые предусматривают межличностные взаимоотношения между мужчиной и женщиной разных национально-культурных общностей и выходят за территориальные пределы, т.е. проявляются на международном уровне. В социокультурном понимании это форма межличностных взаимоотношений мужчины и женщины, граждански принадлежавших к разным национальным общностям, исторически сложившимся в границах двух разных территориально-государственных образований. Он накладывает определенную совокупность обязанностей и предписаний на супругов с учетом этнической принадлежности, основанной на общности культуры, религии и традиций той социальной группы, с которой каждый из супругов себя осознает с момента рождения и обладает ее идентичностью, которая впоследствии служит социальной базой для действия в браке [3]. В этой связи межнациональный брак можно считать одной из разновидностей экзогамии, которая предполагает выбор брачного партнера из чужой группы.

Разность территориально-государственных целостностей, к которым принадлежат брачные партнеры, делает международный брак более сложным явлением. Во-первых, с позиции правовых норм, международный брак предусматривает обусловленность пересечения государственной границы, гражданства, вида на жительство. Во-вторых, учитывая социально-личностные характеристики, для участников международного брака характерна зависимость от места происхождения, которая формирует психологические, культурные, нравственные особенности личности в рамках общества конкретного государства. Территориально-государственная протяженность международных браков не имеет четких границ и зависит от объективных обстоятельств в совокупности с конкретной брачной активностью отдельных индивидов и их личной свободой выбора.

Еще одним наиболее заметным термином в отношении смешанных браков в последнее время замечено понятие «транскультурные браки», в основу которого закладывается понимание разности культур, мировоззрения, менталитета. Под национальным менталитетом обычно понимают образ мыслей, психологический склад ума, особенности мышления, а также исторически сложившуюся, устойчивую специфическую форму проявления и функционирования общественного сознания в жизнедеятельности определённой национальной общности людей. Поскольку существенным элементом национального менталитета является отражение реальных условий жизнедеятельности, практика общения с другими народами, уровень использования их социального, нравственного и интеллектуального опыта, то видно, что понятие менталитета перекрещивается и смешивается с такими понятиями, как национальная психология и национальный характер. Понятие «межкультурные браки» имеет менее четкие границы, поэтому в эту категорию могут быть отнесены все предыдущие трактовки смешанного брака.

Смешанные браки уже давно являются одним из центральных вопросов в литературе по этническим отношениям

[4]. Во-первых, было высказано мнение, что смешанные браки являются привлекательным показателем поведения, при котором различные группы общества принимают друг друга как равных себе. Во-вторых, смешанные браки являются одной из форм взаимодействия между группами, потому что они соединяют не только двоих супругов, но и социальные сети, к которым они принадлежат. В-третьих, смешанные браки могут уменьшить этническую идентичность и предрассудки в долгосрочной перспективе, потому что дети от смешанных браков, менее вероятно, будут идентифицировать себя с одной группой [5]. В-четвертых, высокие темпы браков ослабят границы этнических групп, тем самым ослабив рельефность этнических определений в обществе [6].

Много было написано о тенденциях в смешанных браках и отдельных детерминант браков [7]. Кроме того, существует обширная литература, которая описывает выбор брачных крупных этнических групп в Соединенных Штатах и других странах. Например, многие исследования по этническим бракам в Соединенных Штатах были проведены в отношении выходцев из Латинской Америки [8], азиатов [9] и афроамериканцев [10].

В данной работе акцент делается на понятии «межэтнический брак», когда культурная и этническая окружающая среда каждого из партнеров отличается. Такие термины, как кросскультурный брак [11], межкультурный брак [12] или смешанный брак [13] используются в литературе, подразумевая брак этнически смешанный, т.е. дифференцированный по этнической принадлежности.

Предметом данного исследования является межэтнический брак представителей корейской диаспоры, члены которой по разным причинам оказались за пределами своей этнической территории. Корейская диаспора представлена во многих странах мира. За пределами своей исторической родины в 140 странах земного шара сегодня проживает около 7 млн. корейцев. Самая крупная зарубежная диаспора корейцев находится в Китае (2 млн.), на втором месте — США (1,8 млн.),

на третьем — Япония (800 тыс.) и страны СНГ (450 тыс.). Таким образом, наиболее репрезентативным видится исследование межэтнических браков корейской диаспоры в указанных географических границах.

Корейская зарубежная диаспора представлена во многих странах мира. Наиболее многочисленной она является в Китае, Северной Америке, Японии и странах постсоветского пространства. Опыт изучения межэтнического, межкультурного воздействия корейской диаспоры в иноэтническом окружении позволил выявить степень этнической эндогамии, уровня этнической идентификации и сохранения корейского этноса за рубежом. Проведение подобного рода кросскультурного исследования позволило сформировать аналитическое видение будущего корейской диаспоры в быстроменяющихся условиях глобализации и интернационализации общества. Уровень воздействия на политику государств – стран изучаемого региона может оказать серьезную поддержку в сохранении корейской диаспоры за рубежом при полноценном уровне этнической идентификации.

Миграции людей в иную страну и долгий период проживания в ней приводят к межэтническим бракам. Данное исследование основано на обширном социо-демографическом материале о корейских диаспорах в исследуемых странах, что позволило выявить как общие черты, так и характерные особенности их этнического своеобразия. Кроме того, изучая межэтнические браки корейцев за рубежом, автор выдвинул предположения относительно теории этнической ассимиляции, социального обмена при выборе брачного партнера корейцев за рубежом и показал основные векторы социальной, культурной интеграции, базирующейся на твердой основе этнической идентичности.

Кроме того, указав на все увеличивающуюся вероятность межэтнического брака зарубежных корейцев, автор выявил причины данного факта, а также указал на необходимость изменения ситуации с помощью государственного влияния на национальную политику как со стороны правительств стран-

реципиентов, так и со стороны правительства Республики Корея. Зарубежная корейская диаспора является потенциальной опорой южнокорейскому правительству в построении модели интернационального глобального общества.

Целью исследования ставится изучение динамики и структуры межэтнических браков корейцев Китая, США, Японии, Казахстана, как примера одной из стран СНГ, а также важнейших историко-демографических аспектов, влияющих на развитие межэтнической брачности среди корейцев в иноэтнической среде.

Методологическую основу исследования составили современные концептуальные подходы и общие методы научного познания, базирующиеся на принципах историзма, объективности, такие, как наблюдение, сравнение, измерение, анализ и синтез. При проведении исследования применялся и социологический метод — анкетирование. Анкетирование было проведено среди представителей выборочных стран заявленных территориальных границ. Историко-генетический метод, который является аналитически индуктивным, а по форме выражения информации — описательным, использовался в работе для выявления причинно-следственной связи истории межэтнических браков зарубежных корейцев. Историко-сравнительный метод был использован на заключительном этапе, что позволило выявить общее и повторяющееся в исторической динамике смешанной брачности, а также при сравнении данного фактора в разных странах. Для исследования особенностей межнациональных браков автор рассматривал события в общественно-историческом развитии, для чего был применен историко-типологический метод исследования. И, наконец, с помощью структурного подхода была отслежена закономерность развития межэтнических браков по отдельным характеристикам анкетных данных.

Демографические характеристики корейской диаспоры, состояние этнического образования и языковых компетенций корейцев в современный период показали условия межэтнического общения зарубежных корейцев в странах прибытия.

Политика принимающего государства, этнический состав населения, уровень этнической идентификации корейцев за рубежом играли определенную роль в межэтническом общении в принимающем социуме, показательным примером которого является межэтнический брак. Особенности межэтнического общения на примере межэтнического брака тесно взаимосвязаны с социо-демографическими характеристиками, такими, как возраст, пол, раса, религия и др. В связи с этим рассмотрены основные теории межэтнического брака, известные современной литературе.

Многоэтнический состав Китая предполагает высокий уровень межэтнических браков для корейцев Китая. Однако в рассматриваемый период социально-демографические показатели корейской диаспоры в Китае меняются, что может оказать воздействие на дальнейшее брачное поведение корейцев. Данный вопрос рассматривается в контексте снижения численности корейского населения в Енбенском автономном округе вследствие внутренних и внешних миграций, снижения фертильной активности среди женщин диаспоры, полового дисбаланса и экономического положения корейцев. В результате демографических изменений межэтническое брачное поведение корейского населения предполагает повышение активности корейских женщин в браке, в отношении которых подтверждается теория социального обмена; уровень социально-экономического благополучия корейцев, мигрирующих в города, предполагает межэтнические браки с большинством хань и другими этносами лишь небольшой части успешных в экономическом процветании корейцев.

Изучение динамики и структуры межэтнических браков корейцев в США показало основные тенденции в межэтнических браках. Первая гипотеза: численность межэтнических браков американских корейцев имеет тенденцию дальнейшего роста, однако структура межэтнических браков постепенно меняется. Автор находит отличия по принадлежности к возрастной когорте, так называемому поколенному составу брачных партнеров. В рассматриваемый период в брачный возраст

вступают представители второго и третьего поколения, значительно отличающиеся от поколения «полуторного», которые, незначительно опережая своих родителей, прошли этап адаптации в принимающей стране. Вторая гипотеза: половая структура межэтнических браков корейцев США изменяется в сторону постепенного увеличения доли мужчин, хотя большая, превалирующая часть межэтнических браков корейских американцев заключается женщинами. Если ранее в период браков американских военнослужащих и кореянок, так называемых «военных жен», в целом численность корейских женщин в межэтнических браках в США значительно превышала участие мужского корейского населения, то в рассматриваемый период ситуация постепенно меняется. Новое поколение корейцев брачного возраста, как правило, состоит из обоих полов последующих поколений, родившихся в США, адаптированных в американском обществе. Третья гипотеза: на динамику и структуру межэтнических браков корейцев США стали оказывать значительные изменения в социально-демографических характеристиках представителей нового поколения корейцев в этой стране. Основными партнерами в браке все чаще становятся представители неиспаноязычного белого населения США. Теория социального обмена Р. Мертона, которая лоббировалась исследователями в пользу корейских жен, оказавшихся в браке с американскими мужчинами, подтверждала ранее выбор брачного партнера другой национальности в пользу повышения социального статуса корейских женщин в США, для нового поколения не подтверждается.

Динамика и половая структура межэтнических браков корейцев в Японии имели свои особенности. Изучая статистические данные о вероятности выбора брачного партнера японцами среди представителей других этносов, автор выделяет исследуемый период (1980–2010 гг.) — период экономического подъема в Японии и повышения социально-экономического статуса корейцев в связи с этим, а также время роста авторитета Южной Кореи, что значительно повлияло на восприятие корейцев японцами. Кроме того, в 1980-е годы

происходят изменения в правовом положении корейцев и в законе о гражданстве в Японии, что оказывает воздействие на межэтнические браки корейцев в этой стране. Второй аспект, на который было обращено внимание, — тестирование активности заключения межэтнических браков корейцами по префектурам и городам. Автор предполагает, что теория социального обмена Р. Мертона в отношении места проживания, социально-образовательного и профессионального статуса для межнациональных браков корейцев не подтверждается.

В Казахстане на основе анализа переписей населения, архивов ЗАГС, были изучены динамика и структура межэтнических браков корейской диаспоры в различных территориальных границах (четыре города Казахстана, как места наибольшей концентрации корейцев). Данные результаты могут с определенной долей осторожности экстраполироваться на другие страны постсоветского пространства в исследуемый период. Конец 1990-х годов, связанный с началом суверенизации страны, является периодом этнического возрождения, массового миграционного движения в Казахстане. Доля межэтнических браков корейцев значительно увеличивается, резко меняется их этническая структура, где наряду с другими этносами возрастает доля титульного, а также представителей этнических общностей, численность которых за последний период здесь увеличилась (уйгуры, татары). В работе дана сравнительная характеристика межэтнических и моноэтнических браков корейцев. Подобные аналогии в исследованиях других ученых проводились и ранее, однако логическое применение историко-генетического метода с рассмотрением влияния этносоциальных и демографических характеристик брачующихся обосновало степень новизны подобного подхода. На основе изучения как источников текущего учета, так и переписей населения выявлена различная степень участия в межэтнических браках мужчин и женщин корейской диаспоры на примере урбанизированного населения различных городов. Кроме того, в работе была определена степень этнической эндогамии корейцев Казахстана по известным научным мето-

дикам на основе материала, собранного в разных местах проживания представителей этой этнической общности. Процесс постепенной ассимиляции корейского этноса проходит медленно. Несмотря на увеличивающуюся долю межэтнических браков корейцев (1990 гг. — 48,6%), степень эндогамности корейцев остается высокой, что было подтверждено результатами изучения данных архивов по всем городам республики.

Миграции и долгий период проживания в иной стране приводят к межэтническим бракам, которые являются результатом межэтнического общения. Увеличение численности межнациональных браков является предпосылкой ассимиляционных процессов. В теории межэтнических браков и ассимиляции существует положение о том, что смешение этнических или расовых групп является обычным явлением. Современная практика в глобальном масштабе подтверждает его. Одним из важных результатов данного явления, который не обошел практически ни одну страну мира, является ассимиляция. Современные теоретики давно считают межэтнические браки универсальным явлением и надежным индексом ассимиляции [14, с. 75]. Частота смешанных браков традиционно понимается как безусловный показатель уменьшения социальной дистанции между группами [15]. В то же время положение о том, что смешанные браки являются окончательным показателем ассимиляции, подвергается критической переоценке: «Мы должны быть осторожны относительно интерпретации высоких темпов смешанных браков как индикатора успеха группы меньшинств. Создается впечатление, что смешанные браки, уменьшая социальную дистанцию между большинством и некоторыми группами меньшинств, одновременно могут предусматривать сложные процессы экономической и социальной интеграции и маргинализации» [16].

Для зарубежных корейцев важнейшим фактором брачного отбора, наряду с гомогамией, является пространственная, территориальная близость. Она повышает вероятность встречи с партнером, который с большей вероятностью будет иметь сходство и по социальным характеристикам, включая

сходство ценностей и интересов. Длительное проживание корейских этнических общностей в Китае, Японии, странах СНГ является точным подтверждением того, что территориальная близость, размер этнической группы, а также этнодемографическая неоднородность приводили представителей корейского этноса к выбору территориально близкого брачного партнера. Гомогамные корейские браки были характерны для корейского населения Енбенского автономного округа в Китае, корейцев Каратальского района Талдыкорганской области или Кзыл-Ординской области в Казахстане как мест наиболее компактного расселения первых поселенцев в странах прибытия. Социальная модернизация общества, внутренняя мобильность корейцев из мест концентрированного проживания в современные крупные города и агломерации создавали условия тесного общения с новыми потенциальными партнерами иной этнической принадлежности.

Известно, что среди общего количества респондентов американских мужей и корейских жен, проживавших в штатах Юта, Колорадо и Вашингтон в 1979–80 гг., более чем треть (38%) американских мужей оставались в Корее свыше 24 месяцев, 22% – 12 месяцев, 30% - 6 месяцев и только 10% — никогда не были в стране супруги [17]. Таким образом, более чем половина – 60% были в стране проживания супруги дольше, чем 12 месяцев, что подтверждает действие фактора близости в выборе брачного партнера.

Другой пример, корейские рабочие, занятые на строительных объектах стран Ближнего и Среднего Востока, составили основу корейской общины в регионе. Кроме строителей в 1970 - начале 1980-х годов в странах арабского Востока находились люди других профессий и специальностей: бизнесмены-торговцы, медицинские работники, водители транспортных средств, служащие представительств корейских компаний, банков, агентств. Особенностью этой корейской общины была ее мобильность. Рабочие-контрактники из Кореи, как правило, отработав свой срок, возвращались назад. Одной из причин возвращения являлось проживание в изолирован-

ных рабочих кампусах, что лишало возможности контактов с местным населением. Многие корейцы так и не освоились в иной этнокультурной среде. Молодые неженатые корейцы в арабских странах не имели шансов найти партнера по браку ни среди кореянок (которых практически не было), ни среди местных женщин [18].

В противовес этому, можно привести пример корейцев в Германии. В результате нехватки рабочих сил в горнодобывающей промышленности, равно как и огромного дефицита медицинских сестер в Западной Германии в 1960-е годы здесь проживает самая крупная корейская иммигрантская община численностью около 30 тысяч человек, основу которой заложили корейские шахтеры и медсестры, прибывшие на работу по контракту в 1960-1970-е годы. Вербовка корейских горнорабочих началась на основе соглашения между правительствами Кореи и Германии в 1963 г. Первые корейские медицинские сестры появились в Германии в 1959 г., они прибыли по частным приглашениям при содействии католических церквей. Исследователи выявили, что в Германии с 1980 по 1981 гг. были заключены 1622 брака между немцами и кореянками, немками и корейцами. При этом 90% экзогамных браков составляли женщины-кореянки [19]. Для них было характерно более интенсивное повседневное поведение, более активная трудовая деятельность, более свободное языковое общение в отличие от мужчин. К тому же статус медицинской сестры в немецком обществе был значительно выше, чем горняка-гастарбайтера. Профессиональная деятельность, условия труда и быта корейских шахтеров практически исключали стабильные отношения с женщинами. Наличие языкового барьера, а также традиционные представления о браке обуславливали предпочтение именно кореянки в качестве брачного партнера.

Территориальное размещение, пространственный фактор подразумевает взаимоотношение с соседствующими этническими общностями как межэтническое взаимодействие. Однако на межэтническое взаимодействие оказывают влияние более важные факторы, такие как исторические, социальные,

культурные и даже политические. Среди исторических факторов, влияющих на межэтнические отношения, социологи выделяют три класса явлений. Первый — это сам ход исторических событий, в результате которых складывались отношения этносов; второй — исторические события, которые становятся каким-то символом в ходе ныне развивающихся отношений; и третий — особенности историко-социального развития этносов [20, с. 160].

Зарубежные корейцы как этносоциальные общности вступают в контакт в результате разных исторических обстоятельств. Корейцы в Японии испытывают давление бывшего колониального прошлого своей исторической родины. Корейцы стран СНГ были депортированы из российского Приморья в рамках Дальневосточной политики. Будучи в составе бывшего СССР, они испытывали на себе давление русскоязычного центра как метрополии на постсоветском пространстве. Таким образом, историческая и геополитическая обусловленность отношений определяла их направление и имела различный характер.

История появления корейских этнических общностей, единство судеб (часто трагических, достижение самодостаточности самоотверженным трудом) играют роль фактора сплочения, солидарности, единства. Однако эти же особенности единой судьбы могут отделять этнос от других этнических общностей и титульного этноса. Исторические события формируют память народа, идеологемы либо ущерба, либо героического прошлого [20]. При этом разные этносы в окружении могут оценивать их по-разному. Сталинская депортация корейцев в Казахстан и Среднюю Азию является актом незаконных репрессий, а для представителей доминирующего русского и титульного казахского этноса это была мера для предотвращения опасности в стране в предвоенный период.

Другой исторический фактор - социально-экономическое развитие этноса, связанное с прошлым периодом. В местах различного этнического состава населения устоявшимся явлением стало деление народов на «развитые» и «развивающиеся». Во многом это зависело от социального статуса, уровня

экономического благосостояния и ряда политических моментов, как форма государственности, национальная политика и другие. К примеру, в советский период представители русского этноса в силу своего более высокого образовательного уровня, социального статуса и высокого уровня урбанизации являлись индустриальным, урбанизированным этносом. Представители этнических меньшинств и отчасти титульных этносов союзных республик — слабо индустриализированными. В результате первые осознавали себя самодостаточными, а вторые — нуждающимися в поддержке. Подобная ситуация складывалась в отношении корейцев Енбенского автономного округа, который совместной борьбой с китайским народом в построении социализма в стране завоевал доверие и поддержку со стороны титульного «самодостаточного» этноса. Лишь постепенное повышение социально-экономического статуса корейских этнических общностей в странах бывшего СНГ, Китае позволяло занимать корейцам равностатусный уровень с доминирующим этносом, о чем до сих пор трудно говорить в отношении корейцев в Японии. Причиной тому служит роль политического фактора в странах пребывания.

Политические факторы, влияющие на межэтнические отношения, включают в себя, по меньшей мере, три класса явлений: принципы и формы государственного устройства, характер политического строя, тип государственной национальной политики [20].

Политический фактор трудно выделить для корейских мигрантов в США. Этносы, населяющие эту страну, не имеют на её территории своих государств, и политическое устройство США по регионам не различается. Значение этого фактора минимизировано для корейцев в моноэтничной Японии, где они занимают до сих пор статусную нишу иностранных граждан. Государственно-политические факторы являются наиболее значимыми для понимания межэтнических отношений корейцев в Китае и странах постсоветского пространства. На межэтнические отношения влияет и форма государственного устройства. В зависимости от того, является ли государ-

ство унитарным или федеративным, зависит способ решения «национального вопроса». При любом типе государственного и политического устройства политика государства, проводимая в отношении «этнических меньшинств», играет большую роль как и, в целом, национальная политика, которая касается большинства или доминирующего этноса.

При всем разнообразии политики, проводимой правительством, этносоциологами выделяются два основных направления, которые касаются этнических групп: интегрирующая политика и политика культурного плюрализма. Интегрирующую политику проводит правительство Японии. Владение японским языком является требованием обладания японского гражданства. Плюралистическая политика свойственна для США. В большинстве законодательств стран СНГ в качестве наличия двух языков — государственного и русского языка, как языка межэтнического общения, подчеркивается культурный плюрализм по отношению к этническим общностям. В Китайской Народной Республике сам факт наличия национально-культурных автономий свидетельствует о приоритетах национальной политики правительства. Подобный плюрализм может нести не только культурную, языковую или образовательную окраску. Весомым показателем является представительство этносов в государственных учреждениях, правительственных структурах. Так, представители корейского этноса в Китае, странах бывшего постсоветского пространства занимают ведущие позиции в государственных структурах общества наравне с представителями титульных этносов, и руководящие должности во властных структурах. Корейская элита имеет авторитет и устойчивую позитивную репутацию в этих странах.

В результате политическая сфера находится в тесной взаимосвязи с социальными позициями, профессиональным статусом, вертикальной мобильностью в обществе. Роль социально-структурных факторов, влияющих на межэтнические отношения, значительна. Среди них выделяется взаимосвязь социальной и этнической стратификации. Высокие социаль-

ные позиции большинства представителей того или иного этноса в ведущих сферах жизнедеятельности общества позиционирует этнос в целом как престижную в социальном плане группу. Так, корейцы практически во всех странах рассмотрения отмечаются как наиболее урбанизированные, с высоким уровнем образования и экономического благополучия. Они представлены в ведущих отраслях экономики, имеют авторитет трудолюбивого этноса, характерной спецификой которого часто отмечается ведение бизнеса. Высокие социальные позиции зачастую становятся мостом для равностатусного с титульным этносом положения, а также служит причиной лучшего восприятия этноса, в том числе и в брачном поведении населения той или иной страны.

Равностатусное положение корейцев с титульным или доминирующим этносом сопряжено с социально-психологическим фактором. Отношение к корейцам в США складывается не как отношение к корейцам с Корейского полуострова, а как к американским корейцам, на локальном уровне. Подобная ситуация существует в отношении корейцев в СНГ, Китае, Японии. Кроме того, после достижения равностатусного социального положения необходимо длительное время для закрепления, адаптации к такому общению. Такое закрепление станет привычным, если не приведет к межэтническим конфликтам в борьбе за сферы влияния в политической сфере и общественном производстве.

В такой ситуации работает теория социально-структурных изменений в обществе. С повышением социального статуса корейцев и началом взаимной адаптации к этим изменениям со стороны как корейцев, так и доминирующего этноса, возникает необходимость совершенствования гражданских законов, организационных структур. Причем в период экономических преобразований, глобализации всех общественных процессов среди корейцев происходит формирование нового престижного слоя «богатых». Заметными по численности становятся корейцы среди банкиров, бизнесменов, предпринимателей. Причем здесь преобладает вопрос не только пре-

стижа, но и экономического интереса. Финансовое благополучие корейцев становится основой для входа во властные структуры. Стремлением к этому является не только чувство собственного достоинства, но и желание быть равноправными в отношении к доступу к власти и к собственности как представителей «этнических меньшинств».

Среди группы социально-структурных факторов, влияющих на межэтнические отношения, выделяются и культурные факторы. Первая группа связана с просвещением и информированностью, вторая — с традиционными нормами каждой культуры (традиционализм). Общеизвестно, что образование способно разрушать межэтнические границы, снимать предубеждения. В однонациональных, особенно часто в сельских, общинах негативные гетеростереотипы и предубеждения в значительной мере подпитываются их культурной замкнутостью. У образованных же групп негативные установки чаще всего не связаны с культурными факторами, особенно в деловой сфере. Доказана значимость пропаганды образцов межэтнического общения через средства массовой информации.

Вторая группа культурных факторов связана с традиционными нормами поведения. Эндогамные браки преобладают у всех народов не только вследствие теоретической возможности заключения моноэтнических и смешанных семейных союзов, но и благодаря установкам на такие браки. Однако традиционные нормы оказывают влияние и на отношения в трудовой сфере, а именно: сказываются на выборе партнеров по бизнесу, проявляются в нормах общения в трудовых коллективах, влияющих на отношения людей. Представления о людях, с которыми лучше иметь дело, отношение к явлениям других культур, событиям из жизни других народов во многом определяются тем, как историческое прошлое, современная социальная действительность преломляются в психологии личности [20].

Таким образом, при исследовании смешанных браков зарубежных корейцев необходимо учитывать концептуальные точки зрения в отношении каждой корейской общины в изучаемых регионах, основываться на теоретической концепции

понимания этноса в отношении смешанных браков. Важным остается учет имеющегося в современной науке задела по теории выбора брачного партнера, как и выбора смешанного брака в целом.

Список использованных источников

1. *Gordon A.* Intermarriage: Interfaith, interracial, interethnic. – 1964. – Boston: Beacon Press. – 425 p.

2. *Почагина О.* Трансграничные браки: Китай и Южная Корея // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – №2. – С.125 – 137.

3. *Корнеева С.В.* Социальная природа межнациональных браков в российском обществе в условиях социокультурных трансформаций // www. Lib.socio.msu.ru/l/library /_ Дата обращения: 15.06.2014

4. *Alba R, Nee V.* Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2003; *Sean-Shong Hwang, Rogelio Saenz and Benigno E. Aguirre.* The SES Selectivity of Interracially Married Asians // International Migration Review. – 1995. – №29 (1). – P.469 – 491; *Pagnini Deanna L. and Morgan S. Philip.* Intermarriage and Social Distance among U.S. Immigrants at the Turn of the Century // American Journal of Sociology. – 1990. – №96 (2). – P.405 – 432; *Qian Zhenchao and Lichter Daniel T.* Social Boundaries and Marital Assimilation: Interpreting Trends in Racial and Ethnic Intermarriage // American Sociological Review. – 2007. – №72 (1). – P.68 – 94.

5. *Waters Mary C.* Ethnic Options: Choosing Identities in America. Berkeley: University of California Press. – 1990. – 224p.; *Xie Yu and Goyette Kimberly.* The Racial Identification of Biracial Children with One Asian Parent: Evidence from the 1990 Census // Social Forces. – 1997. – №76 (2). – P.547–570.

6. *Davis F.* James. Who Is Black? One Nation's Definition. University Park, PA: Pennsylvania State University Press. – 1991. – 209 p.

7. *Kalmijn M.* Intermarriage and Homogamy: Causes, Patterns, Trends // Annual Review of Sociology. – 1998. – №24 (1). – P.395–421.

8. *Anderson R.N., Saenz R.* Structural Determinants of Mexican American Intermarriage, 1975–1980 // Social Science Quarterly. – 1994. – №7 (5). – P.414 – 430; *Gilbertson G.A., Fitzpatrick J.P., Lijun Y.* Hispanic Intermarriage in New York City: New Evidence From 1991 // International Migration Review. – 1996. – №30. – P.445–459; *Qian Z., Cobas J.A.* Latino's Mate Selection: National Origin, Racial, and Nativity Differences // Social Science Research. – 2004. – №33. – P.225–247.

9. *Hwang S.-S.* Structural and Assimilationist Explanations of Asian American Intermarriage // Journal of Marriage and the Family. – 1997. – № 59. – P. 758–772; *Lee S.M., Fernandez M.* Trends in Asian American Racial/Ethnic Intermarriage: A Comparison of 1980 and 1990 Census Data // Sociological Perspectives. – 1998. – № 41. – P.323–342; *Lee S.M., Yamanaka K.* Patterns of Asian American Intermarriage and Marital Assimilation // Journal of Comparative Family Studies. – 1990. - №21. – P.287–305; *Qian Z., Blair S.L., Ruf S.D.* Asian American Interracial and Interethnic Marriages: Differences by Education and Nativity // International Migration Review. – 2001. – № 35. – P.557–586.

10. *Batson C.D., Qian Z., Lichter D.T.* Interracial and Intraracial Patterns of Mate Selection among America's Diverse Black Populations // *Journal of Marriage and Family*. – 2006. – №68. – P.658 – 672.

11. *Breger R., Hill R.* Introducing Mixed Marriages. In R. Breger & R. Hill (Eds.), Cross-cultural Marriage: Identity and choice. – New York: Berg. – 1998. – P. 1–32.

12. *Romano D.* Inter-cultural Marriage: Promises and pitfalls. Yarmouth, ME: Intercultural. – 1988.

13. *Lee J., Bean F. D.* America's changing color lines: Immigration, race/ethnicity, and multiracial identification // *Annual Review of Sociology*. – 2004. – № 30. – P.221–242; *Lee S. M., Fernandez M.* Trends in Asian American Racial/ Ethnic Intermarriage: A Comparison of 1980 and 1990 Census Data // Sociological Perspectives. – 1998. – № 41 (2). – P. 323–342.

14. *Marcson Simon.* A Theory of Intermarriage and Assimilation // Social Forces. – 1950. – № 29 (1). – P. 75–78.

15. *Qian Z., Lichter D.* Social boundaries and marital assimilation: Interpreting trends in racial and ethnic intermarriage // American Sociological Review. – 2007. – № 72. – P. 68–94.

16. *Miri Song.* Is Intermarriage a Good Indicator of Integration? // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 1990. – №35 (2). – P. 331–348.

17. *Lee, Daniel Booduck.* Marital Adjustment between Korean Women and American Servicemen // *Kim Hyung-chang, Lee Eun Ho.* Koreans in America: Dreams and Realities. Seoul. – 1990. – P. 112.

18. *Ким Г.Н.* Корейские контрактники на Ближнем и Среднем Востоке // Избранные труды по корееведению. – Тараз-Алматы: ЖИЦ «Сеним», 2013. – 776 с.

19. *Ким Г.Н.* Поздняя волна корейской иммиграции в страны Западной Европы // Избранные труды по корееведению. – Тараз-Алматы: ЖИЦ «Сеним», 2013. – 776 с.

20. *Арутюнян Ю.В.* и др. Этносоциология. Уч. пос. для ВУЗов. – М., 1998. – 271 с.

ЭТНОСИМВОЛИЗМ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАХСТАНА

Кадыржанов Рустем Казахбаевич

С точки зрения семиотики, культура имеет символическую природу, так как культуру, в том числе этническую и национальную, можно представить как совокупность и систему символов. Отождествляя себя с нацией, человек отождествляет себя с ее культурой, а, следовательно, отождествляет себя с ее ценностями и символами. Если члены определенной этнической или национальной группы разделяют общее отношение к определенным символам, рассматривая их как свои, то они ощущают себя членами единого целого, то есть имеют общую этническую или национальную идентичность. Это означает, что этническая или национальная идентичность имеет культурно-символическую природу. Разделяемый же членами этнической или национальной группы символизм получил в литературе название этнокультурного.

В рамках конструктивистского подхода к национальной идентичности культурные антрепренеры конструируют идентификационные категории как свой «товар» из материала, который можно определить как этнокультурный символизм. Национальная идентичность в этом случае предстает как ментальный конструкт, как феномен сферы сознания, как результат способности воображения индивида и этноса или нации, то есть как субъективная категория. Приверженность такому конструкту (национальной идентичности) является делом сознательного выбора индивида или группы индивидов. Подобное понимание идентичности, включая национальную, становится заметным в периоды социальных и культурных

изменений в обществе наподобие тех, что происходят в Казахстане и на постсоветском пространстве на протяжении последних двадцати – двадцати пяти лет.

Символы в рамках конструктивистского подхода играют решающую роль в определении (конструировании) национальной идентичности. Любая идентичность, в особенности национальная, имеет символическую природу. Взаимосвязь понятий нации, национальной идентичности и ее символизма раскрывается в современной литературе пониманием национализма как языка и символизма нации. Националистический язык и символизм соединяет эту националистическую идеологию с «массовыми чувствами» широких сегментов референтной группы посредством слоганов, идей, символов и церемоний. В то же время язык и символизм национализма охватывает как когнитивное, так и эмоционально-экспрессивное измерения, соединяясь с распространенными ожиданиями и чувствами как элит, так и широких слоев населения.

Предлагаемые элитами идентификационные проекты выражают себя через определенный символизм. Это относится в равной мере к казахской и казахстанской идентичностям. Национальные элиты и государство, выступающие в роли производителей национальной идентичности, конструируют ее с помощью этнокультурных символов как своеобразного строительного материала. Конструирование национальной идентичности представляет собой работу с символами, состоящую в их поиске, выборе, интерпретации, предложении референтной группе новых символов или переопределении уже известных символов, придании им нового смысла. Ведь символы являются теми предметами, назначение которых состоит в трансляции определенного смысла, идеи. В этом плане этнокультурными символами являются национальный язык, предметы материальной и духовной культуры народа, произведения искусства, религиозные обряды и знаки, традиции народа, исторические события и личности, природный ландшафт, названия географических местностей и другие ономастические определения и т.д. Эти символы выражают психоэмоциональную связь инди-

видов с идеями, смыслами и другими духовными ценностями, которые разделяются нацией.

Казахские элиты, предлагающие обществу казахскую идентичность, опираются преимущественно на казахские этнические символы, как наиболее соответствующие природе разрабатываемого ими идентификационного проекта. Главным национальным символом для казахских элит является казахский язык, который они рассматривают как определяющий элемент казахской идентичности. Препятствия на пути превращения казахского языка в главное и основное средство межэтнической коммуникации, выполняемое сегодня в Казахстане русским языком, оцениваются казахскими элитами как препятствия на пути превращения казахской этнической идентичности в национальную идентичность.

Говоря об эволюции национальной идентичности как социального процесса, следует указать ее основную и ведущую тенденцию, определяющую направление, темп и характер эволюции. Какую тенденцию эволюции национальной идентичности Казахстана можно определить как основную и ведущую? По нашему мнению, таковой является казахизация. Термин «казахизация» находит в последнее время все большее применение в публицистике, прежде всего в вопросе отношения казахского и русского языков. Казахизация трактуется как внедрение (или стремление к внедрению) казахского языка в тех сферах, где доминирует русский язык и, соответственно, существенное сокращение применения в них русского языка. Так, сайт «Русские в Казахстане» охарактеризовал разработанные в августе 2011 г. Министерством культуры РК поправки в законодательство по вопросам государственной языковой политики как «законопроект о казахизации». В соответствии с этими поправками предполагалось включить положение о том, что с 1 января 2013 г. заявления и жалобы граждан в государственные органы будут приниматься только на казахском языке. Эта поправка вызвала активные протесты значительной части общества и министерству пришлось ее, в конце концов, снять из текста поправок [1].

Однако казахизацию, по нашему мнению, нельзя трактовать только как языковой процесс. В общем смысле казахизация представляет собой широкий, многоаспектный процесс, находящий свое выражение практически во всех сферах казахстанского общества. Исходя из этого, казахизацию можно определить как процесс выхода на ведущие позиции в той или иной сфере общественной жизни казахского этноса и его языка, культуры и символов. Вместе с тем казахизацию следует рассматривать в историческом контексте как систему процессов, имеющих во многом ответный характер на процессы в национальной сфере Казахстана, происходившие в советский период. С точки зрения идентификации решающее значение среди этих процессов имела русификация. Для понимания современной казахизации как реакции на процессы в национальной сфере Казахстана советского периода, затрагивавших в той или иной мере казахов, первостепенное значение имеет анализ казахизации в демографической, политической и языковой сферах казахстанского общества.

Культурные антрепренеры, как вовлеченные в казахизацию, так и противоборствующие ей, основывают свою деятельность, сознают они это или нет, на принципах примордиализма. Сама по себе оппозиция казахских и русских культурных антрепренеров по языковому вопросу свидетельствует о примордиалистском понимании ими нации и национальной идентичности. Для примордиализма характерна жесткая связка нации и языка в духе сталинского определения нации, когда язык рассматривается как один из признаков нации. С этих позиций нация и язык нераздельны, одно не может существовать без другого. Язык понимается как исключительная, ни с кем не разделяемая собственность нации. Поэтому казахский язык воспринимается культурными антрепренерами как исключительная собственность казахской нации, а русский язык как исключительная собственность русской нации.

Примордиалистская связка языка и нации служит основой для интерпретации элитами языковой ситуации в Казах-

стане в духе культурного антрепренерства. Казахские национал-патриоты драматизируют ситуацию с казахским языком, который, обладая статусом государственного языка, до сих пор уступает русскому языку в применении в большинстве сфер социальной жизни казахстанского общества. Бедственное, по мнению национал-патриотов, положение казахского языка является отражением бедственного положения казахской нации в целом. Выступая радетелями и защитниками казахского языка и нации, национал-патриоты предлагают казахам этнокультурный вариант национальной идентичности.

В не меньшей мере драматизируют ситуацию с русским языком русско-славянские культурные антрепренеры. Взаимоотношение казахского и русского языков рассматривается ими в примордиалистском духе как игра с нулевой суммой, когда выигрыш одного означает неизбежный проигрыш другого. Любые меры власти по расширению сферы применения казахского языка интерпретируются русско-славянскими культурными антрепренерами как проявление казахского этнокультурного национализма на государственном уровне, автоматически ведущее к ущемлению русского языка, а, следовательно, к дискриминации русских и других не титульных этносов. Расширение сферы применения казахского языка, особенно в сфере административного управления означает, по мнению русских элит, исключение из этой и других сфер общественной жизни русских и других не титульных народов, не владеющих казахским языком. Суть предлагаемой культурными антрепренерами русской идентичности состоит в том, что для русских в Казахстане и других государствах Центральной Азии должен существовать языковой комфорт, созданы максимально благоприятные условия для функционирования русского языка. В противном случае культурные антрепренеры грозят новой волной массового отъезда русских из Казахстана и других центрально-азиатских государств.

Наряду с примордиализмом культурные антрепренеры опираются в своей деятельности, сами того не подозревая, на конструктивистский, инструменталистский подход. Ведь для

того чтобы предложить своей референтной группе идентификационную категорию как «товар», который может быть ею «куплен» или «не куплен», этот товар должен быть прежде всего создан, произведен. Создание идентификационной категории есть не что иное, как ее конструирование, которое представляет собой мыслительный процесс формирования идентичности как определенного идеального продукта. Подручным материалом в подобном конструировании являются символы, ценности, идеи этнической культуры, которые с точки зрения примордиализма предстают как извечно существующие данности этноса и именно с ними у представителей этноса устанавливается (или должна устанавливаться) особая эмоциональная связь. Культурные антрепренеры производят манипуляцию выбранными ими элементами этнической культуры с целью вызвать отклик (желательно эмоциональный) в этнической группе и породить в ней этническую мобилизацию, что в терминах рыночной модели означает – «продать» группе идентичность.

Важное значение имеет то, к каким именно элементам этнической культуры следует обращаться культурным антрепренерам в своей работе по конструированию национальной идентичности. Элементов этнической культуры существует множество, и встает вопрос, какие именно из них необходимо выбрать, чтобы достигнуть цели. Культурные антрепренеры обращаются к тем элементам, которые, по их мнению, в наибольшей мере способны достигнуть ума и сердца тех, от имени которых они выступают на политической арене. По мнению казахских культурных антрепренеров, важнейшим элементом этнической культуры является казахский язык и именно обращение к его, как они считают, печальной судьбе и незавидному положению в современном казахстанском обществе способно вызвать отклик в душе казахов и сплотиться как отдельной нации, отличной от всех других национальностей Казахстана.

Как подчеркивает в этой связи Пол Брасс, в самих ценностях и институтах устойчивой культурной группы содержится

своеобразное указание на то, какие обращения и символы будут эффективными, а какие нет, и при этом также представлять традиционные способы мобилизации и организации группы в новых направлениях. Тем не менее, лидеры этнических движений неизменно выбирают только те аспекты традиционных культур, которые, по их мнению, будут наилучшим образом служить цели объединения группы и которые окажутся полезными в продвижении определяемой ими с помощью таких действий группы [2].

Здесь следует указать на то, что именно традиционная культура и ее элементы, в отличие от современной национальной культуры, находящейся под большим влиянием западной культуры и других видов массовой, коммерциализированной культуры, выступает как истинно народная культура, в наибольшей мере выражающая «душу народа». Поэтому с традиционной культурой и ее элементами, как правило, связаны глубоко укорененные, эмоциональные связи людей с этой культурой и именно на этих связях в значительной мере строятся примордиалистские определения этнических групп, их границ и идентичностей, предлагаемых культурными антрепренерами.

Конструирование национальной идентичности представляет собой, по Брассу, процесс, в котором элиты и контрэлиты этнической группы выбирают определенные аспекты групповой культуры, придают им новый смысл и значение, используя их как символы для мобилизации группы, защиты ее интересов и конкуренции с другими группами. В этом процессе преимущество имеют те элиты, лидеры которых могут наиболее искусно оперировать как глубоко укорененными примордиалистскими чувствами членов группы, так и руководить политикой группы в изменяющихся социально-политических обстоятельствах [3].

Предлагая полиэтническому обществу казахстанскую идентичность, государство выражает ее не только через казахские символы, но и, в рамках казахстанской модели межэтнического согласия и мира, через русские и другие этнические

символы. Идентификационный проект государства учитывает реалии, сложившиеся в культурно-языковой сфере Казахстана, и предлагает программы по развитию казахского языка. Помимо чисто этнических символов казахстанская идентичность включает в себя государственные символы – флаг, герб, гимн Казахстана. Эти символы имеют полиэтнический, государственный характер и содержание [4]. В число государственных полиэтнических символов можно включить новую столицу Казахстана – город Астана. Отличительной особенностью казахстанской национальной идентичности является включение в нее политических символов, среди которых особое место принадлежит фигуре Президента РК – Лидера нации Нурсултана Назарбаева. Важным политическим символом в составе казахстанской идентичности является «независимость».

В строгом смысле слова русские националистические элиты Казахстана не выдвигают своего идентификационного проекта. Тем не менее, они являются важными игроками на идентификационном рынке Казахстана, поскольку своим отношением к предлагаемым идентификационным проектам они оказывают определенное влияние на выбор идентичности русским населением страны. Они поддерживают казахстанскую идентичность, однако их поддержка носит ограниченный характер. Русские элиты поддерживают казахстанскую идентичность в той мере, в какой она содержит русско-советские элементы, в первую очередь, русский язык. Свою основную задачу в поддержке казахстанской идентичности русские националисты видят в том, чтобы максимально отстаивать русско-советские элементы казахстанской идентичности от атак казахских националистов. Кроме того, русские элиты выступают против перегиба казахстанской идентичности в сторону казахской идентичности. Следует отметить, что казахстанскую идентичность со значительным содержанием в ней русско-советских элементов поддерживают не только русские, но и другие не титульные этносы, для которых характерен высокий уровень русификации, в частности, немцы, корейцы и другие.

Несмотря на сложность отношений казахской и казахстанской идентичностей, потребности нормального стабильного существования общества и государства в Казахстане объективно требуют их примирения, сосуществования. Никто в Казахстане не заинтересован в том, чтобы доводить противоречие до крайних форм, но, наоборот, желательно искать и найти какую-то форму их синтеза. Поиск такого синтеза, как показывает мировой опыт, направлен на формирование единой национальной идентичности, на основе которой должно сформироваться достаточно консолидированное надэтническое сообщество, которое в литературе получило название гражданской нации. Форма идентичности, на основе которой происходит формирование гражданской нации, называется гражданской национальной идентичностью. Национальная политика государства, направленная на формирование гражданской нации как надэтнического сообщества, охватывающего все население государства вне зависимости от этнической, культурной, языковой принадлежности граждан, в литературе получило название национального строительства.

Список использованных источников

1. По следам законопроекта Минкульта РК о «казахизации»... Происходит «моральное избиение» людей, не знающих госязыка // Сайт «Русские в Казахстане» / www. RussianKz.Info.

2. *Brass, Paul R.* Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. – New Delhi, Newbury Park, London: Sage Publications, 1991. – P. 74.

3. *Brass, Paul R.* Op. cit. – P. 75.

4. *Кадыржанов Р.К.* Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – С. 99–126.

ОПЫТ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ АССАМБЛЕИ НАРОДА КАЗАХСТАНА В РАЗВИТИИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОДЕЛИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА И СОГЛАСИЯ

Кобеева Алтынай Орманкалиевна

Одним из важнейших достижений Республики Казахстан за годы, прошедшие с момента обретения независимости, является построение модели межэтнического и межрелигиозного согласия. В условиях страны, в которой проживают представители более 130 этносов, это, вне всякого сомнения, выдающееся достижение как руководства страны, так и всего казахстанского общества.

Очевидно, что критическая фаза постсоветского кризиса пройдена, но сфера межэтнических отношений настолько важна, что требуется постоянное внимание к ней со стороны государства и общества, особенно в полиэтничных странах. Мировой опыт доказывает, что примеры напряженности на этнической почве одинаково присущи как слаборазвитым, так и достаточно стабильным в экономическом отношении государствам. Сегодня эта проблема в значительной части детерминирована переходным периодом и национально-государственным строительством, завтра – возможно, новыми, неожиданными факторами. Но степень ее важности для мультиэтнических государств всегда достаточно высока.

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев уделяет постоянное внимание задачам сохранения внутриполитической стабильности в Республике Казахстан, которые нельзя реализовать без поддержания межэтнического и межконфессионального мира и согласия. Как отметил Президент в своем последнем Послании «Нұрлы жол – путь в будущее»: «…Ближайшие годы станут временем глобальных испытаний. Будет

меняться вся архитектура мира. Достойно пройти через этот сложный этап смогут далеко не все страны. Этот рубеж перейдут только сильные государства, сплочённые народы» [1].

В своих книгах, статьях и интервью, Посланиях народу Казахстана, в выступлениях на сессиях Ассамблеи народа Казахстана, на съездах лидеров мировых и традиционных религий Н.А. Назарбаев постоянно возвращается к теме межэтнического и межконфессионального согласия, к актуальным проблемам укрепления духовного согласия, заостряет внимание на необходимости поддерживать эти вопросы в качестве центральных для правительства Республики Казахстан, государственных органов на местах, общественных структур, молодежных организаций.

Государство создает концепцию и вектор национального строительства, условия и механизмы его осуществления, но фундаментом и залогом успешной реализации реальной политики является каждодневная работа, взаимодействие социальных, этнических и религиозных групп населения на местах, системное решение текущих, ситуативных проблем, которые невозможны без участия гражданского общества.

Если взглянуть на модель межэтнического согласия с этих позиций, то мы ясно видим ту роль и то место, которое занимает Ассамблея Народа Казахстана в этой системе. Ассамблея Народа Казахстана, как уже отмечалось неоднократно, является уникальным органом, реализующим стратегические программы в сфере межэтнического и межконфессионального согласия. За период с марта 1995 года, когда Ассамблея народа Казахстана оформилась в качестве консультативно-совещательного органа, до момента обретения Ассамблеей в 2007 году нового, более высокого статуса, зафиксированного в Основном Законе Республики - Конституции, был пройден очень непростой путь, на котором были опробованы самые разные механизмы взаимодействия как в рамках единой государственной стратегии, так и в контексте общественных инициатив.

Особое место в работе Ассамблеи занимает деятельность ее региональных структурных подразделений – областных, городских и районных секретариатов, научно-экспертных

групп, этнокультурных центров и объединений. В условиях огромной территории Казахстана и специфических особенностей расселения отдельных этносов, которые в ряде районов страны проживают компактно, такая структурная модель позволяет осуществлять двустороннюю связь, не только транслируя стратегические установки Президента страны на региональный уровень, но и формируя двухканальную связь с тем, чтобы правительство располагало объективной, достоверной информацией с местного уровня о тех процессах, которые происходят в сфере межэтнических отношений.

Недавно созданное республиканское коммунальное государственное учреждение «Қоғамдық келісім» и его региональное отделение аппарата акима г. Алматы являются новыми организациями в структуре Ассамблеи. Целью деятельности КГУ «Қоғамдық келісім» является обеспечение деятельности Ассамблеи города, организация поддержки этнокультурных и других общественных объединений в организации их работы, направленной на реализацию задач Ассамблеи народа Казахстана [2].

С момента своего образования, 16 сентября 2014 года, всего за несколько месяцев КГУ «Қоғамдық келісім» провело большое количество мероприятий, среди которых встречи с руководителями депутатской группой «Ынтымак», Научно-экспертной группой АНК г. Алматы, Депозитария Ассамблеи, Клубом журналистов, Советом матерей, Республиканским молодежным объединением «Жарасым» и рядом этнокультурных объединений, в ходе которых были достигнуты договоренности о сотрудничестве. В рамках этого сотрудничества был осуществлен сбор материалов для формирования и выпуска информационных буклетов об их деятельности, справочника городских этнокультурных объединений, обсуждение совместных планов дальнейших мероприятий ЭКО. Все эти мероприятия еженедельно освещаются посредством информационных бюллетеней КГУ «Қоғамдық келісім», которые рассылаются во все ЭКО и структурные формирования АНК г. Алматы.

Одним из краеугольных камней в политике межэтнического согласия в Казахстане является опора на религиозные и этнокультурные традиции казахского народа. Они характери-

зуются высокой степенью веротерпимости, толерантностью. Это и есть фундамент, первооснова для развития межэтнического диалога не только в рамках единой государственной политики, но и через общественную инициативу. Как отметил в своей монографии «Казахская идентичность» председатель Научно-экспертной группы АНК г. Алматы Шайкемелев М.С., на современном этапе назрела потребность в формировании новой, национальной идентичности казахов, которая будет базироваться на основополагающей характеристике государствообразующего этноса – моральной ответственности за всех соотечественников-казахстанцев. Именно казахи должны стать основой гражданской консолидации общенациональных интересов и современного гражданского общества [3].

Можно по-разному оценивать сформировавшуюся в Казахстане модель межэтнического согласия, основанную на постепенном проведении политических реформ, учитывающем сложившиеся культурно-исторические и общественно-политические традиции казахского народа и всех этнических групп, населяющих нашу республику. Тем не менее, реальная социально-политическая практика постсоветских государств убедительно доказывает: там, где были переоценены возможности стремительной либеральной демократизации, ее механического перенесения на постсоветскую почву – чаще всего возникали конфликты на этнонациональной почве.

Успехи Казахстана, в первую очередь, в поддержании и развитии межконфессионального и межэтнического согласия, в обеспечении внутренней стабильности и соблюдения прав национальных меньшинств, продвижении миротворческих и посреднических инициатив на международной арене привели к тому, что нашей стране была представлена возможность занять пост председателя ОБСЕ в 2010 году и председательствовать в Организации Исламская Конференция в 2011 году.

Мировой опыт полиэтничных стран, собственный опыт Республики Казахстан за годы независимости, позволяющий говорить о формировании эффективной казахстанской модели межэтнического согласия, свидетельствует о том, что реальная межэтническая интеграция, эффективная этнопо-

литика с целью реализации конституционных прав и обязанностей граждан РК, недопущения межэтнических конфликтов, возможна не только при законодательном закреплении прав всех граждан вне зависимости от расовой, этнической или религиозной принадлежности, согласовании интересов всех этнических групп. Таких примеров гуманных статей, закрепленных в Конституциях подавляющего большинства зарубежных стран, но нередко не исполняющихся на практике, имеется множество. Важно, чтобы политическая воля государства, закрепленная законодательно, соединялась с волей народа, что убедительно демонстрирует казахстанская модель межэтнического единства и согласия.

Новые рубежи – время для определения роли и места общественных инициатив в реализации уже сложившейся правовой базы. Это вовсе не означает, что государство будет уходить из этой сферы. Глобальные вызовы и риски ориентируют на необходимость постоянного мониторинга, анализа и оценки происходящих процессов. Эта функция, вне всякого сомнения, будет оставаться за органами государственной власти.

Но в то же время, уже сейчас в Казахстане существуют все возможности и условия для того, чтобы главным регулятором в системе межэтнических и межконфессиональных отношений выступало гражданское общество. А это значит, что роль Ассамблеи Народа Казахстана со временем будет еще более возрастать.

Список использованных источников

1. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева 11 ноября 2014 «Нурлы жол - Путь в будущее // http://www.zakon.kz/4670339-poslanie-prezidenta-11-nojabrja-2014.html

2. О создании республиканского государственного учреждения «Қоғамдық келісім» при Президенте Республики Казахстан и внесении дополнений в некоторые указы Президента Республики Казахстан // http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000837

3. *Шайкемелев М.С.* Казахская идентичность. Монография. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. – 272 с.

О ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ КАЗАХСТАНЦЕВ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Колчигин Сергей Юрьевич,
Сагикызы Аяжан

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев постоянно подчеркивает, что единство и согласие народа Казахстана – это залог стабильности государства, поступательного движения по пути прогресса и процветания. Целостность общества и стабильность государства определяются, прежде всего, близостью взглядов и убеждений людей, общностью идеалов и ценностей, разделяемых большинством сограждан. При этом базовые ценности первичны по отношению к идеологии, они составляют фундамент, основу любой идеологической доктрины.

Ключевые ценности потому и являются фундаментальными, что формируются не в одночасье и не выбрасываются в один миг, вдруг став ненужными. Именно эта система ценностей, укоренившаяся в сознании поколения людей, получивших воспитание и образование в советский период, удержала от распада новые государственные образования, появившиеся на исторической сцене после развала СССР. Сама история наглядно продемонстрировала, что даже сформированная в процессе коммунистического воспитания система ценностей продолжает играть положительную, созидательную роль и в кардинально изменившихся условиях, в отсутствие коммунистической идеологии.

Безусловно, духовный капитал, заложенный в системе идеалов и ценностей, не наследуется автоматически, он требует постоянного воспроизводства в ходе воспитания и обучения

новых поколений. В условиях независимого Казахстана эта система ценностей должна формироваться на новой основе. Эту базу создают положения Основного Закона нашей страны. В первой статье Конституции высшими ценностями демократического, светского, правового и социального государства провозглашены человек, его жизнь, права и свободы. Основные права и свободы человека, права и обязанности гражданина определены в тридцати статьях Основного Закона. Базовые ценности являются предпосылками и опорными конструкциями Общества Всеобщего Труда, курс на построение которого изложен нашим Президентом в Стратегии «Казахстан-2050».

Еще одной опорой являются традиционные ценности казахского и других народов нашей страны. Эти ценности, находящие свое выражение в национальных обычаях, обрядах, прошли испытание временем, помогая народу сохранить свою культуру, национальную самобытность и религиозную идентичность. При всем различии форм своего выражения, в содержательном отношении этнокультурные ценности и ценности общечеловеческие (абсолютные) совпадают. Действительно, уважение к старшим, почитание предков, любовь к детям, целомудренное отношение к женщинам, забота о престарелых родителях, ценности семейного очага, трудолюбие, неприятие праздного образа жизни, воздержание от пороков – пьянства, курения, наркомании – все это входит в состав традиционных ценностей любого народа. Именно эти и другие ценности дают возможность народу уберечь себя в потоке времени, сохранить свое физическое и нравственное здоровье. Разумеется, некоторые обычаи и обряды могут оказаться не соответствующими духу времени и новым обстоятельствам жизни. Они могут быть модернизированы, либо на их место придут новые обычаи. Важно при этом, чтобы лежащие в их основе ценности остались неизменными.

Как известно, одной из ключевых проблем, приводящих к межэтническим и межконфессиональным конфликтам, является неравноправие. Толерантность, характерная для социальных взаимоотношений в полиэтничных и поликонфессио-

нальных обществах, как в Казахстане, достигается посредством конституционного закрепления равноправия всех граждан, независимо от их национальной, расовой, религиозной или какой-либо иной принадлежности. Следовательно, именно правовая сила Конституции обеспечивает межнациональное согласие и мир в Казахстане.

Если Казахстан будет для граждан не только родиной и землей предков, но и страной, где они будут иметь доступ к высокому качеству жизни (в первую очередь, к качественному здравоохранению, образованию), где их права и свободы будут защищены и гарантированы на государственном уровне, где они смогут реализовать свой творческий потенциал, то патриотизм станет реальным элементом в общественном сознании народа. Новый казахстанский патриотизм подразумевает именно это. Любовь к родине проистекает не только из души человека: эта любовь должна всемерно поддерживаться непрерывными усилиями государства по улучшению внешнего благосостояния и гармоничного внутреннего мира каждого человека.

Патриотическое воспитание современных казахстанцев должно в результате сформировать консолидированное общество, с прогрессивными взглядами на жизнь, с готовностью модернизировать государство в соответствии с требованиями ускоряющегося исторического времени, способного адекватно отвечать на вызовы и угрозы, сопровождающие современные глобальные процессы. Казахстан – наш общий дом. Здесь проживают представители свыше 130 этносов и 17 конфессий, и все граждане имеют как равные права и свободы, так и обязанности. Страна, которая является родиной для 17 миллионов человек, может развиваться только при совместной созидательной деятельности каждого из нас.

В качестве материала для конкретного анализа темы ценностей в межэтнических отношениях в нашей республике обратимся к результатам социологических исследований. В 2013–2014 гг. в рамках Тематического плана исследовательских работ Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК было проведено анкетирование населения во

всех областях Республики Казахстан, а также городах Астана и Алматы. Объем выборочной совокупности составил 1000 респондентов, при этом был случайным и осуществлен по многоступенчатой выборке.

В иерархии ценностей первое место для большинства опрошенных занимает семья, семейное благополучие. Именно так распределились ответы на вопрос «Чего бы Вы больше всего хотели добиться в жизни?»

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: **«Чего бы Вы больше всего хотели добиться в жизни?», в разрезе этнических групп,** *в* **%**

	Казах	**Русский**	**Другой национальности**
Семейного счастья	77,1	77,0	77,3
Получить качественное образование	24,6	17,6	29,3
Сделать карьеру	36,5	25,3	26,0
Стать квалифицированным специалистом	30,1	25,3	18,0
Богатства	42,8	28,0	40,7
Принести пользу людям	25,1	24,5	20,7
Быть хозяином своей жизни	31,9	34,1	22,0
Найти смысл жизни	27,0	14,9	24,0
Быть свободным и независимым в своих решениях и поступках	23,8	31,0	18,0
Иметь возможность реализовать свой талант и способности	13,8	21,1	15,3
Славы	8,1	3,4	4,0
Власти	5,9	3,8	2,0
Помогать социально незащищенным	7,1	10,3	6,0
Иметь авторитет у других	15,4	9,2	8,0
Покоя и возможности ни во что не вмешиваться	9,2	14,9	8,0

Важно отметить, что семья и родственники являются наиболее важными ценностными предпочтениями для всех опрошенных независимо от их этнической принадлежности. При этом среди казахов более выраженными оказались такие способы достижения успеха, как хорошо оплачиваемая работа, хорошее образование, знакомства, собственное дело, тогда как для русских – удача, здоровье, стабильность.

Явное большинство респондентов (64,7%) считают, что в отношении жизненного успеха наиболее важными условиями являются именно семья, надежные родственники, друзья. (А 77% респондентов считают семейное счастье тем, чего нужно добиваться в жизни в первую очередь, ради чего вообще стоит жить, т. е., по сути, самим смыслом жизни человека.) Что же касается, например, целеустремленности, то ей в этом вопросе отдали предпочтение всего 0,1 % опрошенных. Это свидетельствует о весьма низкой оценке казахстанцами креативности как фактора жизненного роста. Этот вывод, впрочем, амбивалентен. Он говорит не только о том, что жители республики не отличаются особо выраженной целеустремленностью, но также и о том, что они не стремятся быть «успешными» любой ценой, быть предприимчивыми ради собственной эгоистической выгоды.

При ответе на вопрос о том, что мешает осуществлению ценностных идеалов («мешает счастью»), казахи чаще выделяли проблемы, связанные с материальным положением, и тем, что живут «не по душе». Неудовлетворенность достигнутым чаще отмечали опрошенные представители других национальностей. Здесь мы видим реальную проблему: казахи как титульная нация несут бóльшую ответственность; срабатывает принцип «положительной дискриминации» – больше спрос и больше давление.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: **«Что мешает Вашему счастью?»,** *в разрезе этнических групп, в* **%**

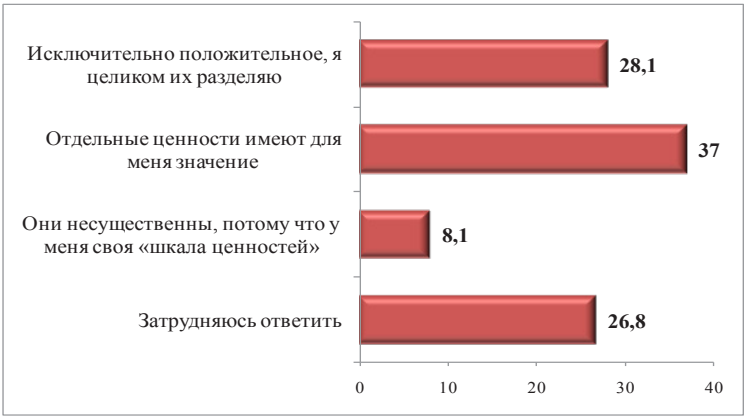
	Казахи	**Русские**	**Другой национальности**
Неудовлетворенность достигнутым	14,9	13,4	18,7
Живу не по душе, а по судьбе	17,8	17,6	13,3
Материальные проблемы	44,8	44,1	35,3

Весьма важным представляется выяснение картины отношения казахстанцев к либеральным ценностям, поскольку они в основе своей приходят в нашу страну с Запада, т. е. до последнего времени были нетрадиционными для Казахстана. На вопрос о сущности либеральных ценностей значительное число опрошенных – 26,8% – ответить затруднились, а свыше 28% высказали к этим ценностям исключительно положительное отношение, полностью их разделяя. Это явное свидетельство плохого знания вопроса, известной путаницы в его трактовке. Дело в том, что либеральные («мягкие») ценности: взаимопонимание, толерантность, плюрализм и т. д. в своем общем виде являются чрезмерно абстрактными. Внешне они выглядят весьма позитивными, однако в реальной жизни, в реальной социально-политической практике оказываются содержащими серьезные червоточины. Так, на Западе, где либерализм – одна из ведущих идеологем, либеральные ценности доводятся до полного абсурда и становятся угрозой не просто традиционным ценностям, но ценностям самой жизни и развития человека.

В Республике Казахстан либеральные ценности пока еще не доходят до столь крайних форм выражения, и, вероятно, именно поэтому казахстанцы их приветствуют, но в будущем, при условии все более глубокого проникновения Запада в нашу страну, эти ценности могут вытеснить традиционные ценности казахского народа и других этносов Казахстана.

Диаграмма 1

Распределение ответов на вопрос: **«Каково Ваше отношение к либеральным ценностям?»,** *в* **%**



Традиционные ценности находят гораздо более широкую поддержку. 72,5% опрошенных относятся к ним положительно или прагматично, без преклонения, но, тем не менее, поддерживают традиционные ценности. Однако традиции, так или иначе, подвергаются размыванию под воздействием либерализма, вестернизации. Поэтому уже есть более четверти респондентов, которые относятся к традиционным ценностям отрицательно либо выборочно положительно.

Оплотом традиционных ценностей является простой народ. Исследование показало, что к пересмотру некоторых ценностей чаще призывают респонденты с более высоким образованием. Между тем, менее образованные слои стоят на позициях традиций.

Из этого краткого анализа можно сделать следующие общие выводы.

В целом в Казахстане преобладают высокие ценностные установки, жизнеутверждающие и миролюбивые идеалы. Большинство казахстанцев отдают свои предпочтения семейным ценностям, здоровью и творческому труду, духовно-нравственным идеалам.

В то же время картина, представленная в результатах конкретно-социологических опросов, показывает: в ценностных предпочтениях казахстанцев имеет место определенный разброс. Это связано, помимо прочего, с колоссальным объемом пестрой информации, которая с углублением вхождения Казахстана в мировое сообщество поступает отовсюду: со страниц газет, из Интернет-ресурсов, телевидения и т.д., причем – их самых разных первичных источников этой информации. Так, известная путаница имеет место в ответах на вопрос о *либеральных ценностях*. Вероятно, многие невольно путают абстрактную постановку этого вопроса (*либеральные ценности* – это мягкость, доброжелательность, терпимость, диалогизм и т. д.) с конкретно-исторической реальностью *либерализма* как стратегией Запада на изживание традиционных ценностных представлений народов незападного мира.

В свете проделанного обзора, с учетом опыта разных стран, явно выделяется целый ряд направлений и конкретных мер по недопущению в Казахстане усугубления того кризиса ценностей, который охватил сегодня в той или иной степени всю планету и создает серьезные угрозы безопасности нашей республики.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть: ценности призваны существовать не сами *для себя*, а *для развития человека*. Это развитие имеет несколько главных компонентов:

– благосостояние, расширение реальных свобод человека;

– расширение прав и возможностей, а также агентность, т.е. возможность человека и групп действовать и получать ценные результаты;

– повышение социальной справедливости, обеспечение устойчивости результатов во времени, уважение прав человека и других целей общества;

– духовный рост, нравственное развитие.

Исходя из этих параметров, можно выделить нижеследующие рекомендации практического характера, позволяющие преодолеть проявления общемирового ценностного кризиса в Республике Казахстан.

1. Прежде всего, следует назвать меры экономического свойства, а также те, которые напрямую с ними связаны. Так, с очевидностью оптимальное сужение сферы распространения рыночной экономики, особенно тех ее областей, в которых бизнес нацелен на эксплуатацию человеческих пороков. Необходимо жесткое законодательное пресечение распространения порнографии и других видов низменной продукции.

Способствовать предотвращению социального недовольства и конфликтов могло бы относительное выравнивание доходов населения, устранение нынешней пропасти между богатыми и бедными. Ценность социальной справедливости должна быть подкреплена конкретными шагами.

2. Для того чтобы формировать верные ценностно-смысловые ориентиры и идеалы, необходимы меры не только экономического или политического характера. В данном случае они, скорее, даже вторичны. Необходимо соблюдать приоритет духовных потребностей, поскольку они являются фундаментом всей иерархии потребностей человека как телесноразумного существа, способного ставить вопросы о смысле своего ответственного бытия.

Современному человеку надо гармонизировать свой внутренний чувственный мир. Для такой гармонизации необходимо, прежде всего, глубокое и прочное мировоззренческое основание, т.е., по существу, переход к истинному и единому миропониманию в его нравственно обязывающем значении. Это – стратегическая духовно-идейная задача, или, другими словами – подлинная сверхзадача современного человечества, если оно хочет пройти в будущее. Методология, адекватная задачам глобальной философии духовности, состоит, прежде всего, в выдвижении высших ценностно-смысловых ориентиров бытия человека в мире в качестве первейших и базовых. Необходима ориентация на ценности абсолютные, безусловные для любой культуры.

3. В Республике Казахстан следует смелее освещать и продолжать издавать материалы государственной программы «Культурное наследие», переводить на казахский и русский

языки произведения классиков философии, литературы, науки. Сегодня их легче встретить в букинистической лавке, чем на полках книжных магазинов республики. Этот практический шаг крайне важен в культурном плане, так как хорошо известно: формирование позитивных ценностей и человеческой личности происходит во многом благодаря идеям выдающихся мыслителей и художественному мастерству писателей.

Вообще, одной из главных практических задач по воспрепятствованию ценностному кризису является существенная трансформация содержания и структуры системы образования. Главной целью воспитания и обучения человека должна стать духовность, понимаемая как безусловная нравственность, как творчество из любви ко всем и всему окружающему. Пока же, как мы знаем, образование в Казахстане и мире нацелено на сугубо технологические выгоды и на создание своего рода человека-компьютера.

Воспитание человеческой личности, ее ценностей, установок и целей начинается с раннего детства. Поэтому с детских лет следует – разумеется, очень тонко, деликатно, интересно, через игровые и реальные жизненные ситуации – формировать этический императив, соответствующий вызовам и зовам XXI века: «Относись к ближнему лучше, чем к самому себе». В этом отношении немаловажную роль в Казахстане может и далее успешно играть образовательная программа «Самопознание», а также, конечно, казахстанские СМИ. Они обязаны вести более последовательную культурно-воспитательную политику. Речь идет, разумеется, не о назидательности и не о насильственном внедрении высоких ценностей в сознание казахстанцев, а о планомерном, подлинно гуманистическом отношении к получателям информации – слушателям, читателям, зрителям, о ненавязчивом формировании лучших истинно человеческих чувств, качеств, ценностей.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN DURING 1999-2009

Makhmutov Dimash Sakenovich

From wide arrangement of scientific studies concerning the study of population (sociology, psychology, anthropology and etc.) the role of demography has it specifics. Basically, demographers studying human population, including its size, distribution, composition, and the factors that determine changes in its size.

The combinations of components of population dynamics in CIS (The Commonwealth of Independent States) countries were various. In Russia and Belorussia, the natural decrease was partly compensated by a positive net migration rate during the period 1991-2004. In Ukraine and Moldova, on the contrary, the negative natural population change has been reinforced with a considerable migratory outflow, thus enhancing intensity of the general decline of population. In Armenia and Georgia, the natural increase is insignificant and even close to zero, so, migratory outflow became the main reason of reduction of the population. In Kazakhstan, the size of population decreased because of declining of the positive natural growth and of increasing intensity of emigration.

Considerable changes took place in size and structure of population of Kazakhstan, like in many other CIS countries. After the Republic of Kazakhstan acquired independence in 1991, transformation processes there started almost in the all spheres of society. Substantial influence on this transformation exerted from the period of soviet past of the republic. According to the official data, most changes occurred in ethnic composition of population of the republic. If in a political, social and economical development Kazakhstan society become more estranged from conditions of

«the soviet era», however, in demographic development there are still impacts of events from this period of republic`s history.

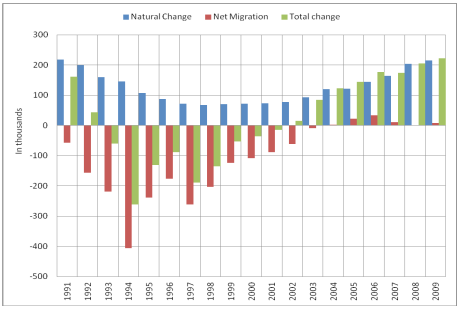
The demographic development factor plays an increasing role in development of the republic. The significant negative role in population reduction was played by emigration. During the period 1968-2003, i.e. for 36 years, Kazakhstan experienced a negative external net migration, which averaged 114,000 people per year between 1975 and 1991, when the USSR collapsed. The peak of a negative external net migration observed in 1994–out-migration of over 500,000 people. After that, it gradually fell to the net outflow figure of 8,300 people in 2003. The year 2004 was the first turn point in 36 years that a positive external net migration had been observed in Kazakhstan, reaching, 2,800 people (Alekseenko 2004). In 2009 the positive external net migration reached 7,502 people. In recent time, the population dynamics in Kazakhstan has mostly defined by the natural increase.

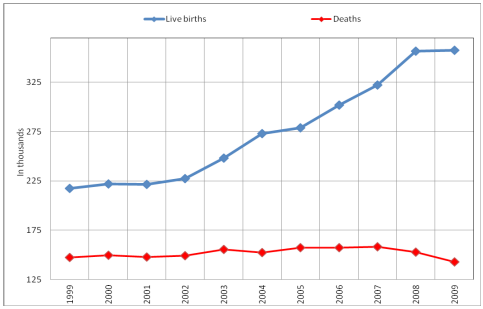
1. Changes in structure and size of the population of Kazakhstan

According to the obtained data from the last conducted Kazakhstani census (in 2009), population of the republic made slightly over 16 million persons. In comparison with Kazakhstani census conducted in 1999 population of Kazakhstan in 2009 increased by over 1 million persons (or 6,9%). However, despite of increasing of population growth, it should be noted that such positive tendency starts to appear only from 2003. The first ten years of independence (1991–2001) of the Republic of Kazakhstan were marked by considerable changes in social and demographic structure of the population. Social and demographic processes were caused by cardinal transformations in all social systems of Kazakhstani community; and processes of modernization of society, economy, were characterized both with positive and negative tendencies. Negative tendencies in formation of social structure in connection with falling of the economical sphere, high level of unemployment, sharply increased migratory streams from rural to urban areas and a negative balance of external migration designated in the mid of 1990s. This background formed a dangerous situation of depopulation process and

deterioration of all demographic processes in Kazakhstan. Under the new conditions of transformation stage, with purposes of stabilization and diversification of economy, the demographic factor of development became one of the strategic issues in further development of country. After stabilization of the economy in the beginning of 2000s, the demographic development of Kazakhstan started to overcome the negative trends from 1990s in this sphere. Gradually migratory outflow was reduced, the natural growth increased. Therefore, in 2002 the natural growth has exceeded negative balance of external migration, and since 2004 population of the republic began to grow at the expense of both compound (net migration and natural growth), and in 2005–2009 the natural growth mostly defined dynamics of population (Fig 1). The dynamics of natural growth also underwent changes in the main components - in fertility and mortality (Fig 2). If in the 1990s natural growth determined by significant decrease number of live births and increase of number of deaths, in 2000s we can note a noticeable increase of live births and gradually decrease of number of deaths. This situation, in its turn, determined the dynamics in the natural change of population in 2000s.

Figure 1: Population change, Kazakhstan, 1991-2009
Figure 2: Natural change of the population, 1999-2009





Source: Agency of Statistics of the Republic of Kazakhstan

Considerable changes also observed in the ethnic structure of population (Tab. 1). Over the period of 1989–2009 observed quite significant increase of the share of Kazakh ethnos from 40,1% up to 59,8% in the total population size of Kazakhstan. On the contrary, at the same time took place a decrease of the share of European ethnics, especially of Russians, Ukrainians and Germans. Such a significant change of the ethnic structure affected by following factors. The first, emigration of large stratum of European ethnics in the mid of 1990s, the second is differences in the rates of natural growth among the ethnics, and the third, increase of the share of Kazakhs is result of the State program on repatriation of ethnic Kazakhs (started in 1991) who lives abroad.

Tab.1.

Change of ethnic structure, Kazakhstan, 1989-2009

	Population (thousand)				Population (%)			
	1989	1999	2009	2009-1989	1989	1999	2009	2009-1989
Total	16,199	14,953	15,571	-627,6	100.0	37.4	100.0	0.0
Kazakhs	6,496	7,985	9,315	2,818	40.1	53.4	59.8	19.7
Russians	6,062	4,479	3,905	-2,156	37.4	30.0	25.1	-12.3
Ukrainians	875,7	547,1	450,8	-424,9	5.4	3.7	2.9	-2.5

Uzbeks	331,5	370,7	431,2	99,7	2.0	2.5	2.8	0.7
Germans	946,9	353,4	237,3	-709,6	5.8	2.4	1.5	-4.3
Tatars	320,7	248,9	227,5	-93,2	2.0	1.7	1.5	-0.5
Uygurs	181,5	210,4	221,4	39,9	1.1	1.4	1.4	0.3
Other nationalities	984,4	758,0	782,1	-202,3	6.1	5.1	5.0	-1.1

Source: Agency of Statistics of the Republic of Kazakhstan

Note: column 2009-1989 is a mathematical difference between the number of population of 2009 and 1989 years.

2 Changes in the structure of mortality

The mortality dynamics over the period from 1999 to 2008 also show changes in the structure of mortality by cause. These changes seem as from the absolute numbers as from the shares. Thus, deaths from the diseases of the circulatory system still lead among causes of death and increased from 57,3% in 1999 up to 59,1% in 2008 (or on 1,8%). The decrease of number of deaths from neoplasms and deaths from diseases of respiratory system shows non-significant changes. This tendency in the mortality dynamics evaluates that the Kazakhstani healthcare system remains considerable problems, and improvement process occurs slowly. The increase in life expectancy at birth and relatively gradual decrease of mortality level connected with a variety of actions realized by the government on improvement of health care system in republic. For instance, «State program of reforming and development of health care system in the Republic Kazakhstan for 2005–2010» and increasing of expenses of the state budget on health care system in 2005–2009. At the same time, the low-level competitivity of Kazakhstani health care system and medical science expressed with shortcoming of high skilled medical personnel and requires another variety of governmental actions.

3. External migration in Kazakhstan

On an arrangement with such demographic processes as fertility and mortality, external migration also has its impact on change of the population structure and size. Intensity of external

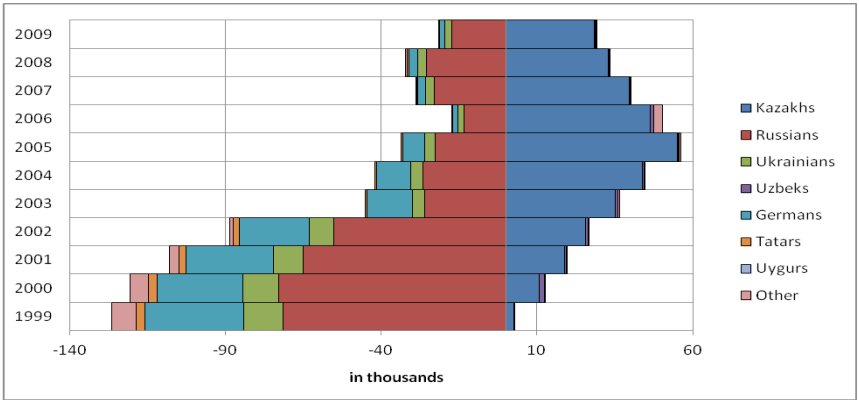
migration in the Republic of Kazakhstan during the sovereign period was unequal. Evermore, external migratory processes that occurred in the beginning and in mid 1990s (1994) in Kazakhstan lead to considerable changes in population`s ethnic, age and sex structure. Thus, in the ethnic structure of the population has sharply decreased the number of the European ethnics (mostly Russians) and increased the number of an indigenous population (Kazakhs). It is necessary to consider that the majority of emigrants were representatives of economically active layer of population that should affect socio-economical sphere in the country during this period. Also, followed after it activities of government, which were directed mostly for stimulation of a migratory inflow of the ethnical Kazakh repatriates (oralmans) influenced some positive changes in age and sex structure of population. High intensity of an external migration was observed in 1992–1998, then process was slowed down, and with each next year delay became more expressed.

Over the period from 1999 to 2009, occurred considerable positive dynamics in the external migration trends, mostly changes in migration balance. Thus, the migration balance changed from negative value of – 123,627 persons in 1999 to positive value of 7,502 persons in 2009 for Kazakhstan. The size of gross migration also undergoes some changes from 206,267 persons in 1999 to 75,502 persons in 2009. The index of migration effectiveness (the ratio of net migration to gross migration expressed in percentage) over the period of 1999–2009 also changed from negative value of – 59.9 % to positive 9,9%. The above mentioned changes in the period 1999–2009 became an evidence that country`s migratory situation cardinally changed that was determined, first of all, by sharp recession of emigration. From «the migratory donor» Kazakhstan in 2004 has turned to «the migratory recipient». In 2007 outlined tendency of reducing in positive balance of external migration, at the same time decreasing immigration brings in ponder able input in formation of external migration balance.

Considering external migration by ethnic structure allows to evaluate main ethnic groups that involved in this process (Fig.13). Thus, in the period of 1999–2009 emigration outflow mostly

represented by European ethnic groups (Russians, Germans and Ukrainians), while Kazakhs represent an overwhelming majority in immigration wave. Emigration of European ethnics reflected by (as it was mentioned several times) the collapse of USSR and followed deep crisis in social and economical conditions of life. According to the survey`s results conducted by the Brif agency, the majority of respondents believe that people leave the country for economic reasons: unemployment (64,1%); low standard of living (61,9%); nonpayment of wages (42,6%); and reasons of a social character: uncertainty in future life (36,9%); desire to live in historical homeland (32,6%); desire to live with relatives (30,9%); uncertainty in children`s future (27,4%); difficulties in obtaining an education (18,5%); and language problems (16%)*.

Figure 5: Net international migration by major ethnic groups, Kazakhstan, 1999-2009



Source: Agency of Statistics of the Republic of Kazakhstan

Immigration of Kazakhs is basically result of governmental activities in migration policy, especially in many respects to the State program on repatriation of ethnic Kazakhs who lives

* *Issledovanie mezhnatsional'nykh otnoshenii (iiul'-avgust 1998 g.)* [Research into Inter-ethnic Relations (July-August 1998)], Almaty: Brif Social and Marketing Agency.

abroad. The prerequisite of this program defined even before the collapse of USSR. On 18 November 1991, a month before Kazakhstan gained independence, were confirmed «Resolution on the procedures and conditions of the relocation to Kazakh SSR for persons of Kazakh ethnicity from other republics and abroad willing to work in rural Areas» aimed not only to regulate the immigration of Kazakhs to Kazakhstan, but also to develop the Kazakh *aul* (village) and agricultural industry complex. As a result, about 61,600 ethnic Kazakhs arrived in Kazakhstan between 1991 and 1992. The Law on Immigration, adopted in June 1992, reflected this result. According to Article #1 of the law, ethnic Kazakhs have full possibilities to return to their «historic homeland». In order to regulate the expected large migratory inflow of oralmans, the law also provided establishing a special immigration quota and the creation of a dedicated agency to deal with the issues of ethnic immigration. The above laws and regulations provide establishment of a quota for ethnic Kazakh immigrants. The oralman quota is determined on an annual basis and reflects population, economic and budgetary considerations. It is confirming each year by the Presidential decree. The first annual quota was set in 1993 and provided for the arrival or repatriation of 10,000 families (or approximately 40,000 persons). During the 1990is, the quota level fluctuated dramatically, falling to 500 families in years 1999 and 2000. In the 2002 economic conditions in Kazakhstan starts to improve, and the quota gradually increased, reached 15,000 families in 2005 and 2008 (UNDP Report, Status of Oralmans in Kazakhstan. Overview, 2006). In 2005, oralman arrivals constituted nearly 80% of all immigrants to the country, and in 2008 they share was over 650,000 persons or 4% of total population of the republic. Oralmans resettled in all regions of Kazakhstan. The region with the highest number of oralmans is South Kazakhstan region with a total number of almost 160,000 persons. This represents approximately 26% of all oralmans currently settled in Kazakhstan.

The current migration situation is a result of contradictory socio-economical and political processes in the region particularly

and in the republic at whole. The increase of mass migrations, plus illegal ones, challenges government agencies to regulate this migration process. A large number of illegal migrants who arrived from the CIS countries (especially from Uzbekistan), who are not registered in Department of Internal Affairs, who do not have special permissions for work and who create «shady» economic fields is an unfavorable factor. The external factors create the situation of migration - transparency of borders, presence of tensions in different places, insufficiency of normative base, which are still destabilized.

In the period 1999–2009, migratory situation in the country it is cardinally changed that defined by sharp recession of emigration, and migratory activity of the population of Kazakhstan realized, generally in internal migration. The features of internal migration (as intraregional and interregional) defined mostly by Kazakhs. Thus, activity in intraregional and interregional migration among Kazakhs is almost identical, while among other main ethnicities prevails intraregional migration. The migration in period of 1999–2009 shows not only increase of number of internal migrants, but also change of contribution shares of interregional and intraregional migration in total migration process. In the period 1999–2009, interregional migration made – 42%, intraregional – 58%. The largest interregional migratory stream observed in the last decade in cities Almaty (15%) and Astana (12%), and the Almaty region (12%). The South Kazakhstan, East Kazakhstan, Karaganda regions also seems attractive for interregional migrants – migratory stream to these regions made 7–8%.

Conclusion

Analysis of the main trends in demographic development of the Republic of Kazakhstan in period of 1999–2009 demonstrates significant changes. The dynamics of population development in given observation period evaluated that changes occurred in size and structure of population, ethnic structure and intensity of migration. Against the general structural changes of the population changed also its ethnic structure. Thus, increase of Kazakhs was

accompanied by decline of proportions of other ethnic groups, first of all, with significant decrease of Russians. The change of ethnic structure of population also affected on population change, by reason that European ethnic groups have reproductive behavior different from Asian ethnic groups, and mostly has a negative natural increase due to the low fertility. As the consequence, population not only growth in last years, but became more homogeneous. The above-mentioned trend give a opportunity to specify population of the South Kazakhstan region, where the relative share of Kazakhs constitute over 70% of total population, and reproductive behavior identified as traditional, which hypothetically means families with a considerable quantity of children.

During the period of 1999–2009, some positive changes also occurred in dynamics of mortality trends. Against of decrease of total mortality level there are still remains less favorable tendencies among structure of mortality. The life expectancy at birth increased in Kazakhstan for total population from 1999 to 2008 increased by 1,5 years and the most increase occurred among women 1.6 years while for men it was 1,3 years, and differences between sexes made 10,5 years. For the South Kazakhstan region, this change in life expectancy at birth was less significant and made only 0.8 years for women and 0.6 years for men. From the perspective of total mortality, the level of mortality in 2008 remains almost same as in 1999 for Kazakhstan. On the background of steady decline in structure of mortality, the infant mortality increased dramatically. The significance of this circumstance could be seen from both from the absolute numbers and from the relative terms. One of main reason that caused such increase was accepting by Kazakhstan new international standards of registration of death of newborns according to recommendations of WHO in 2008, and as a consequence sharply increased the IMR.

During the observation period 1999–2008 migratory situation in the country it is cardinally changed that was defined, first of all, by sharp recession of emigration. The negative migration balance took place from 1999 until 2004, but in following years migration balance changed to positive. The migratory streams still ethnically

expressed: immigration tendencies defined by Kazakhs, emigrations tendencies by Russians. However, in last years immigration activity of Kazakhs reduced, emigration of Russian also becomes less intensive. Considerable share of ethnic Kazakhs immigrates mostly from Uzbekistan (to the South Kazakhstan region), China and Mongolia, while European ethnic groups, especially Russians emigrates basically to Russia. The remaining migration trends already almost do not affect on demographic processes, in the same time, the immigration policy of the government of the Republic of Kazakhstan starts to give the results.

In general, dynamics of population development in period 1999–2009 shows mostly positive changes, however, these changes should not be overestimated. The long-term perspective of fertility, mortality trends in nearest ten years could remains favorable; however, the further population development may pass in quite stable way, without a significant increase in population size.

Bibliography

Alekseenko, A.N. (2000). Demographic consequences of the famine in Kazakhstan in the beginning of 1930s. Barnaul, (in Russian).

Alekseenko, A.N. (2004). The Kazakhstani way of modernization: ethno-demographical aspect. Ust - Kamenogorsk, (in Russian).

Arriaga, E.E. (1984). Measuring and explaining the change in life expectancies. Demography, 21(1), pp: 83–96.

Borisov,V.A., (2001).The Demography. Secon edition. Moscow. (in Russian).

Caldwell, J. C., (2006). Demographic transition theory. Springer.

Kapitza S.P., (2006). Global population blow-up and after. The demographic revolution and information society. Moscow.

Lee, R., (2002). Demographic Change, Welfare, and Intergenerational Transfers: A Global Overview. Rome.

Ponnapalli, K, M., (2005). A comparison of different methods of decomposition in expectation of life at birth and differentials in life expectancy at birth. Demographic research,12, pp: 141–172. Rostock.

Preston, S.H., Heuveline, P., Guillot, M., (2001), Demography: measuring and modeling population processes. Blackwell Publishers Inc., Massachusetts.

Šubrtová, A., (1984). The demographic revolution: the issue of origins. Demografie,3, Prague. (in translation on Russian by Borisov, V.A.)

Shkolnikov, V.M., Andreev, E.M., (2010) Age-decomposition of a difference between two populations for any life-table quantity in Excel. MPIDR technical report, 002. Rostock.

Shkolnikov, V.M., Andreev, E.M., (2010) Spreadsheet for calculation of life-table dispersion measures. MPIDR technical report, 001. Rostock.

Siegel J.S, Swanson A.D., (2004). The Methods and Materials of Demography. Second edition. Amsterdam.

Vishnevsky, A.G., (1982). Population reproduction and community. Moscow.

UNDP Kazakhstan. Status of oralmans in Kazakhstan. Review. 2006. Almaty.

World Health Organization. Health and mortality 1996. Geneva: WHO.

Zimovina, E. P., (2008). The trends of mortality in Kazakhstan: the specific of republic in the Central Asia. Ust-Kamenogorsk, (in Russian).

Zhumasultanov, T.Z. and *Ibraev, A.T.* (2000). The population of Kazakhstan from the ancient times till nowadays. Almaty: KIITU (in Russian).

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ЭТНОСАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ҚҰНДЫЛЫҚТЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Сағиқызы Аяжан

Адамзат XX ғасырдың екінші жартысынан бастап қазіргі кезеңге дейін көптеген өзгерістер кезеңін бастан өткеруде. Жаһандық дағдарыстардың әрбірі жақын болашақта орны толмас жаһандық апатқа ұшырататын тұтас топтамасы пайда болды. Тек қана жүздеген жылдар бойы табиғатқа жыртқыштық-пайдагерлік тұрғыдан қатынас жасау ғаламдық экологиялық дағдарысқа әкелгенін көрсетсе де жеткілікті. Ең өкініштісі – мемлекеттер оған қарсы тұру үшін күштерді біріктіру мәселесінде бір шешімге келе алмай отыр.

XX ғасырдың екінші жартысында ғаламдық көлемде (көбінесе, исламдық) діни киім жамылған терроризм жайылды. Өкінішке орай, олармен күрес жеңіске жеткізбей тұр. Жаппай қару шығару жалғасуда. Жаппай қырып-жою құралдарының жаңа түрлері, соның ішінде қолдануы халық үшін де, қоршаған орта үшін де зардабын тигізетін сейсмикалық, климаттық, психотроптық және т.б. қарулар жасалынуда.

Дағдарыс адамзаттың рухани саласын да қамтуда.

Осылардың барлығына әлемдік екі үрдістің қақтығысы өз таңбасын қалдыруда: 1) бүкіл адамзатқа көзделген (XIX ғ. жергілікті тарихтың әлемдік тарихқа) әдейі бағытталмаған және реттелмеген жаһандану (глобализация) үрдісі мен 2) жаһандық (глобализм) үрдіс. Бұл үрдістер бірін бірі жоққа шығарады. Қазіргі уақытта екіншісі басымдық танытуда. Жаңа либерализм мен мондиализм қағидаттарын ұстанып, ұлттық мемлекеттер мен мәдениеттерді жоюға, алты мил-

лиард халықты «таңдаулы» алтын миллиардтың құлына айналдыруға бағытталған жаһандық.

Осы жаһандық дағдарыстардың барлығының негізі мен олардың салдарына негіз болатын дағдарыс, атап айтқанда, қазіргі адамзаттың құндылықтық бағдарлары мен мақсаттарының дағарысы жатады. Адамзат соңғы үш мың жыл бойы өзі үшін (әлемдік тарих алаңына капитализмнің пайда болуынан бастап) біртіндеп елеусіз құндылықты – пайдалылыққа ауыстырып, олардың арақатынасын аяқтан басқа қарай қойып, енді тұйыққа тіреліп отыр. Бұл тұйықтан шығу – пайдагерлік пен құндылықтың шынайы арақатынасына қайта оралу және құндылықтарды әмбебаптылық дәрежесіне көтеру.

Құндылық – артефактілермен шартталынған субъект аралық қатынастардың үдерісінде пайда болатын және адам, топ пен қоғам өмірінің рухани-ізгіліктік, мәдени және әлеуметтік саласынан көрініс табатын адамзат болмысы феномендерінің маңыздылығы туралы тұрақты түсінік. Осы қоғамда басымдық танытатын ізгілік нормалары мен рухани құндылықтар иерархиясының жоғары деңгейін құрайды.

Құндылықтарды түрлі қырлардан зерттеуге болады. Құндылықтардың мәнін түсінуге қатысты түрлі тәсілдемелердің негізінде келесідегідей қорытынды жасауға болады: құндылықтар жүйесінің жоғарғы деңгейі қоғам моралі мен рухани-тұлғалық саланың негізі ретінде рухани құндылықтар болып табылады; құндылықтар адамзат болмысының барлық салаларына таралып, әлеуметтік тәртіптің барлық құрамдастары (ішкі тұлғалық жүйелер, тұлға мен қоғам, адам мен космос, өткен шақ пен қазіргі кезең, мәдениеттер) байланысының негізін білдіреді; тұрақты бола тұрып, ішкі икемділікке иеленетін құндылықтар жүйесі заманауи әлеуметтік құрылымды тұрақтандыру факторларының бірі ретінде қызмет атқара алады. Құндылықтық механизмдердің конструктивті мүмкіндіктерін түсінуге негізделген жас ұрпақтың ұйымдастырылған әлеуметтік үдерісі арқылы нақты тарихи әлеуметтік-мәдени болмыстағы жалпы адамзаттық рухани құндылықтардың мәнін өзекті қылуға болады.

Кез келген қоғамдық жүйелер дағдарысының негізінде ізгіліктік құндылықтардың дағдарысы жатыр. Сол себептен бүгінгі таңда қоғамның әлеуметтік тұрақтылығы мен қоғам дамуына бағдарланған ұлттық мәдениеттің рухани-ізгіліктік құндылықтарына негізделетін қоғам дамуының жаңартылған парадигмасы қажет.

Кез келген мәдениет әлемге (Солтүстік, Оңтүстік, Шығыс, Батыс, Еуразия, құрлықтық, теңіздік, таулық, жазықтықтық және т. б.) өзіне ғана тән ерекшеліктермен енеді. Қазіргі құндылықтар жүйесі негізінен Батыстық болып табылады.

Алғашында Батыс өз тарихында жоғарғы мәдениетті қалыптастырды. Алайда, ол тарихи Батыс құрдымға кетіп, оның құндылықтары, көбінесе, құлдырауға ұшырады.

Адамзат тарихы көптеген этномәдени бірлестіктердің тарихынан басталады. Бұл тарихтың бірінші кезеңі осындай. Екінші кезеңі – ұлттық-мәдени: бұл этностар тарихы емес, ұлт тарихы болып табылады. Жаңа кезеңде Батыс Еуропада пәрменді ұлттық-мемлекеттік бірлестіктер қалыптаса бастады. Адамзат тарихының үшінші кезеңі – нағыз бүкіләлемдік немесе жаһандық Тарихтың кезеңі. Мұнда мәдениеттердің көптүрлілігі жойылмайды; тіпті бір ізге салынбайды; тек олардың өмір сүру тәсілі өзгереді.

Барлық этностар субстанциалды тұтас; бұл тұтастық мәдени әмбебаптылықпен қамтамасыз етіледі. Қазақстан – қазақ ұлтының, оның мәдениетінің, тілінің, тарихи дәстүрлерінің жетекші рөлін сақтай отырып, көп дінді және көп ұлтты қоғам және мемлекет ретінде дамып отырған ел. Қазақстанда бірнеше этностардың бірге өмір сүруінің зор әлеуметтік, саяси, адамгершіл-этикалық тәжірибесі жинақталып, көптеген этностардың рухани құндылықтарының жемісті алмасуы жүзеге асқан. Қазақстан халқының тарихи жадында этносаралық қатынастардың ерекше тәжірибесі бар.

Әлемде қоғамдық-саяси, әлеуметтік-мәдени қатынастардың ең күрделі, қарама-қайшы әрі нәзік қырларын этностардың арасындағы қатынастар құрайды және олар елдегі саяси ахуалға, экономикалық және әлеуметтік

қатынастардың жағдайына, мемлекеттік-құқықтық институттардың тиімділігіне, мемлекеттің ұлттық саясатының пәрменділігіне негізделеді. Адамдардың материалдық және рухани құндылықтармен, тәжірибемен, этностардың мәдени жетістіктермен, өмір сүру салттарымен, тұрмыстағы ерекшеліктермен өзара алмасуы этностардың қарым-қатынас жасау барысында жүзеге асады. «Мәдениеттердің өзара кірігуі ұлтты байытып қана қоймай, адамдардың өзара әрекеттері мен өзара түсіністігін, олардың инновациялық құндылықтарды қабылдауын қамтамасыз етіп, ұлтаралық қатынастардағы келеңсіздіктерді түзеуге көмектеседі.

Сонымен бірге, этносаралық қатынас барысында өзара әрекет жасайтын халықтардың дәстүрлі түсінігіндегі, көзқарасындағы, мүддесіндегі, дәстүрі мен құндылықтарындағы ерекшеліктер қақтығысы орын алады, сондықтан ол арнайы моральдық, әлеуметтік-психологиялық, саяси-құқықтық реттеуді, тікелей этносаралық байланыс саласында тұлғаның мінез-құлқына әлеуметтік бақылау жүргізуді қажет етеді. Этносаралық қатынастардың жоғарғы мінез-құлықтық мәдениеті күнделікті этносааралық байланыстарды реттеудің ең маңызды факторы болып табылады. Бұл салада тиісті моральдық, саяси-құқықтық реттеу болмаса, этносаралық қарама-қайшылықтар этносаралық қарсылыққа, жанжалға ұласып кетуі мүмкін.

Этносаралық қарым-қатынас мәдениетінің қалыптасуы күрделі, ұзаққа созылған үдеріс және ол қоғам өміріне өздігінен кірігіп, адамдар мінез-құлқында механикалық түрде жүзеге аспайды. Адамзатқа ортақ құндылықтар мен нормалар ұлтаралық қатынастарды реттеудің негізгі факторы болып табылады. Түзу, әдепті, төзімді қарым-қатынастан шүбәсіз нақтылыққа айналуы тиіс. Ол үшін тұрғындарды, ең алдымен, жас буынды үйретудің, білім беру мен тәрбиелеудің барлық сатыларында тиімді жұмыс атқару қажет.

Қоғамдағы әлеуметтік-саяси, экономикалық тұтастықты және қоғамдық келісімді сақтап қалу үшін, ең алдымен, қоғамдық дамудың қазіргі талаптарына сай гуманизм мен

төзімділік қағидаларына негізделген білім беру институтының жаңа үлгісін жасау маңызды. Білім беру жүйесі арқылы жастардың бағыт-бағдарының қалыптасу үдерісіне ықпал етуге болады. Білім беру жүйесі ұлтаралық қатынастарды реттеу тетігі саналады, өйткені жастар қоғамдық дамудың әлеуеті болып табылады. Жастардың моральдық-адамгершілік жағдайы қоғамның дамығандығының нақты белгісі болады.

Әлеуметтік саладағы қазіргі жағдай білім беру мекемелеріне жастар санасында қоғамдық түсініктер мен ұстанымдарды қалыптастыруға байланысты өте күрделі міндетті қояды. Қоғамдық түсініктер мен ұстанымдардың негізін жалпы азаматтық және этникалық бірлікке, ұлтаралық қарым-қатынастардың мәдениетін қалыптастыруға, ұлтаралық төзімділік пен менталдық сәйкестілікке септігі болатын адамгершілік, келісім мен төзімділік, құндылықтар мен мұраттар құрауы тиіс, өйткені осындай негізде ғана рухани және өнегелілік саласындағы жағымсыз үрдістерді жоюға болады.

Рухани және әлеуметтік-мәдени дағдарыстан шығу жолы қоғамды ұйыта алатын жаңа өнегелілік бағдарларда жатқан сияқты. Адамгершілік, руханият, төзімділік, бейбітшілік, ізгілік, әділдік, өзара түсіністік, өзара құрмет – ұлтына, нәсілі мен дініне қарамастан, барша адам үшін сөзсіз маңызды тегеуріндi талаптар. Бұл негіздегі ұлтаралық қарым-қатынастың мәдениеті адамның ұлттық ар-намысына тікелей немесе жанама түрде қысым жасаудың, кемсітушіліктің, құқық теңсіздігінің, этникалық негізде зорлықтың кез келген түрін қабылдамауды білдіреді.

Ұлтаралық қарым-қатынас саласындағы гуманизм этникалық тамырлары мен нәсілдік ерекшеліктеріне қарамастан адамның тұлға ретіндегі құндылығын, оның еркін дамып, өз қабілеттерін көрсету құқықтарының шартсыздығын мойындауды талап етеді. Гуманистік ұлттық саясатты жүргізу дегеніміз – ұлтаралық қарым-қатынастарды барлық интернационалдық өзара әрекетке қатысушылардың мүдделерін ескеріп, реттеу деген сөз. Этноұлттық саясаттың гуманистік стратегиясы жалпы

адами басымдылықтарды, құндылықтарды, рухани бастауларды жүйелі жүзеге асыруды, қазіргі саяси және экономикалық пайдадан гөрі, адамгершілік стимулдардың басымдылығын білдіреді. Қоғамдық-саяси, ұлтаралық қарым-қатынастардың гуманистік құндылықтары мен дәстүрлері ғасырлар бойы қалыптасып, қазіргі маңызды құқықтық құжаттар мен саяси декларацияларда (БҰҰ жарғысы, ЕҚЫҰ құжаттары және т. б.) бекітілген. Олар Қазақстан Республикасының Конституциясы мен заңнамасында жүзеге асқан. Мәселе оларды ұлтаралық өзара әрекеттер мен қарым-қатынастардың барлық деңгейінде нақты саяси және құқықтық тәжірибеде жүйелі әрі мүлтіксіз жүзеге асыруға байланысты.

Тәуелсіздік жағдайында алынған тәжірибе этникалық императивтердің ел ішінде немесе басқа елдермен байланыста орындалмауы мүмкін емес белгілі бір шарттарды қоятынын көрсетіп отыр. Сондықтан Қазақстанда, негізінен, жағымды бағытта дамып отырған ұлтаралық өзара әрекеттерді реттеудің белгілі бір үлгісі жасалған. Сонымен бірге, талдау көрсеткендей, жарияланған ұлттық саясаттың бағыты мен оны жүзеге асырудың нақты тетіктері арасында, этносаралық бірігудің мінсіз нормативті үлгісі мен этносаралық өзара әрекеттің қайшылықты, көбінесе, жанжалды сипаты арасында белгілі бір алшақтық бар. Мұның бәрі кейбір жағдайда ұлтшыл және шовинистік уәждерді бүркемелеудің, өзін басқа этникалық қоғамдастықтардың өкілдерінен ерекше санап, тіпті, артық көру сезімін туғызудың құралы ретінде отансүйгіштік құндылықтардың қабылдануына әсерін тигізеді.

Қазіргі Қазақстан – тарихи-мәдени мұрасы бай жас, амбициясы зор мемлекет ретінде алдына биік мақсаттарды қояды және оларға қол жеткізуге әлемдегі қаржылық-экономикалық жаһандық дағдарыс та кедергі бола алмайды.

Қазіргі жаһанданып бара жатқан әлемде ең қауіпті нәрсе – қазіргі өмір сүріп жатқан адамдардың, әсіресе, жастардың ұлттық-мәдени мұрадан мақсатты түрде ажырату, буындар арасындағы байланыстарды үзіп, ежелден қалыптасқан бейімделу және өзін-өзі тану тетіктері мен өлшемдерді бұзу.

Ол үшін әртүрлі құралдар қолданылуда: таза алдау мен олардың санасы мен мінез-құлқына арсыз әсер етуден бастап, өмірлік мәні бар құндылықтар бағанын өзгертуді талап ететін өктем шарттарды қою (үрейлендіретін тәсілдер арқылы экономикалық, саяси өктемдік жүргізу).

Бұл жағдайда бұрында терең рухани-адамгершіл мазмұнды жеткізетін, әмбебап мағынасы бар категориялар өзінің дүниетанымдық сипатынан айырылып, саяси-идеологиялық және технологиялық құралға айналады. Ондай «аластанған категорияларға»: «парызды», «намысты», «арды», «ұжданды», «әділдікті», «отаншылдықты» жатқызуға болады және олардың шынайы мазмұны құнсызданып, бұрмалануда.

Адамзатқа ортақ құндылықтар – трансценденттті құндылықтар, яғни абсолютті сипаттағы, мәңгі құндылықтар. Діндар адамдар жалпы адами құндылықтарды дін тұрғысынан саралай келе, мұндай құндылықтардың табиғаты құдіретті деп біледі. Олардың негізінде Ізгіліктің, Ақиқаттың, Әділдіктің, Сұлулықтың абсолютті түрде жүзеге асуы ретінде Құдай идеясы жатады. Дінсіз адамдар үшін, санасы секулярлық адамдар үшін жалпы адами құндылықтардың артында адамзаттың сан ғасырлық тәжірибесі, оның әлеуеті мен ұмтылыстары жатады. Олар – «қоғамдық келісімнің», баршаға ортақ ынтымақтың және т. б. жемісі.

Қоғамды гуманизациялаудың ең маңызды тәсілі адамдардың жатсыну құралы болмай, керісінше, оларды біріктіріп, халықтар мен мемлекеттер арасында өзара түсіністік пен бейбітшілікті орнатудың құралы болуы тиіс ұлттық мәдениеттерді жандандырып, дамыту болып табылады. Ұлттық мәдениеттердің жаңғыру және даму үдерістерінің гуманистік сипаты мен отаншылдық тиімділігі бірқатар маңызды шарттарды орындаумен байланысты, олар, біріншіден, жеке тұлғаны мәдениеттерді жоғарғы және төмен деп бөлуге бағыттайтын, кейбір халықтардың (атап айтқанда, көшпелі халықтардың) мәдениеттің тарихи субъектісі болуға қауқарсыздығы туралы айтатын теориялық-әдіснамалық және психологиялық нұсқамаларды еңсеру;

екіншіден, өткеннің және бүгінгінің мәдени үдерістерін талдауда, әртүрлі халықтар мәдениетінің өзара ықпалы туралы мәселені шешуде абсолюттендірудің кез келген түрінен (таптық, идеологиялық, саяси және т.б.) бас тарту; үшіншіден, бұл үдеріске мемлекет тарапынан, әсіресе, бастапқы кезеңде қолдау (материалдық және ұйымдастыру) көрсету; төртіншіден, ұлттық мәдениеттерді тарату және жүйелендіру тетіктерін жасау, ол үшін ұлттық тәрбие беру жүйесін дамыту, ана тілінің қолдану аясын кеңейту, әртүрлі өнерлерді қолдау, театр, мұражай, кітапханалардың қызметіне қолдау көрсету. Гуманитарлық білімді (философияны, тарихты, сөз өнерін, т. б.) дамытудың маңызы зор, бұлар болмаса алдыңғы буынның жетістіктері мәнсізденіп, біз өзіміздің «менімізді» жоғалтамыз; бесіншіден, ұлттық-тұлғалық дәмелерге деген төзімділік, бірбірінің ұлттық қадір-қасиеттерін құрметтеу.

Еркін адам, азаматтық тұлға, ғылым мен шығармашылық, жасампаз еңбек, өндірілген нәрсенің сапасы мен мөлшеріне сай ақысын төлеу, жеке болса да, қоғамға пайдасы тиетін бастамашылдық, өзара жәрдемдесу, кооперация, әлеуметтік шығармашылық, демократия және халықтың өзін-өзі басқаруы, әлеуметтік-құқықтық мемлекеттік реттеу, халықаралық ынтымақтастық, бейбіт бәсеке мен бірігу – гуманистік дамудың қуатты қайнарларын құрайды.

Рухани мәдениеттің құндылықтары, қоғамның руханиізгіліктік негіздері оның біртұтастығы, ішкі мызғымастығының іргетасын құрап, қоғам мен қалыптасқан қазақстандық мемлекеттің түп тамырлық мүдделерінің көрінісі болып, әлеуметтік қызметтің болашаққа бағытталған келешегі зор, дамытушы бағдарламасын құрайды. Олар өздерінің идеалдары мен ұстанымдарын таңдау құқығы мен мүмкіндігіне иеленетін әлеуметтік және рухани ерікті адам ретінде сезінуге және Қазақстан Республикасының толық құқықты азаматы ретінде сезінуге мүмкіндік береді.

Этносаралық және конфессияаралық жанжалдарға әкеліп соқтыратын негізгі мәселелердің бірі құқықтардың теңсіздігі болып табылатыны бәрімізге мәлім. Қазақстан сияқты көп

ұлтты және көп конфессионалды қоғамдардағы әлеуметтік өзара қатынастарға тән толеранттылық азаматтардың ұлттық, нәсілдік, діни немесе басқа да белгілеріне қарамастан тең құқықтарды конституциялық түрде бекіту арқылы жүзеге асырылады. Сәйкесінше, Конституцияның құқықтық күші Қазақстандағы ұлтаралық келісім мен бейбітшілікті қамтамасыз етеді.

«Я» И «ДРУГОЙ» В МОДЕЛИ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО СОГЛАСИЯ (КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ)

Сейтахметова Наталья Львовна,
Смагулов Мурат Нурмухамбетович

В связи с последними политическими событиями в мире модели межнационального и межрелигиозного согласия опять становятся современным трендом. Казахстанская модель, реализованная Ассамблеей народа Казахстана, сегодня представлена как конституирующая принципы диалогического культурного сосуществования в казахстанском обществе.

Задаваясь вопросом о проблеме методологических и концептуальных вопросов в теме межрелигиозного, межэтнического согласия, прежде всего, попытаемся прояснить смысл некой единой и одновременно «плюрокультурной» модели жизни разных религиозных («Других») идентичностей, имеющих устоявшиеся собственные традиции и культурные коды. Методологические установки, применяемые при изучении данного феномена, а именно «религиозной, межэтнической модели согласия», могут быть различными: от диалектики (в том числе и негативной диалектики Адорно) до установок постмодерна, что в прочем, позволит найти параллели и различия, тождество и гетерогенность в проблематизировании универсального истока, из которого «генерируется» согласие как возможность жизни разных религиозных и культурных идентичностей.

Можно ли (как пример казахстанского общества) научно-теоретическую парадигму межрелигиозного согласия с успехом «внедрять» в другие постсекулярные общества, поскольку в качестве модели жизни она уже более 20 лет реаль-

но существует? Как опыт, да, в качестве модели – да, но вот как парадигма? Вопрос этот далеко не риторический и не праздный, поскольку связан с мировоззренческими проблемами, формированием ценностных мировоззренческих установок в обществе. Казахстанское общество является, с одной стороны, традиционным, поскольку базируется на духовной традиции казахской культуры, с другой – модернизированным, и в этом смысле оно уникально для конструирования онтологических моделей жизни, в которых идентичности «Я» и «Другой» не противопоставлены как враждебные сущности, напротив, они связаны единой нитью духовно-культурного родства.

В опыте казахско-казахстанской жизни мы находим благодатную почву толерантности, давшей ростки жизни культурно-толерантного пространства, которую сегодня мы с гордостью называем территорией согласия. Еще Абай в «Словах назидания» концептуализировал тему «Я» и «Другой» как проблему узнавания «Я» в «Другом» (Слово Второе) и не Абай ли раскрывал смысл понимания религиозных ценностей посредством этических императивов, разума, способствуя концептуализации «религиозной идентичности» как духовно-этической, которая является онтологическим фактором продвижения идеи согласия в разнокультурном обществе.

В Слове Тринадцатом Абай говорит: «Иман — есть незыблемая вера в Единого и Всемогущего Создателя, о бытии и существовании которого дано нам знать из посланий через его Пророка, да благословит Аллах его имя.

Существует двоякий путь верования. Одни принимают веру, убедившись в ее необходимости и справедливости, укрепляют ее в себе разумными доводами. Эту веру мы называем «якини иман». Другие веруют, черпая познания из книг и со слов муллы. Этим людям требуется особая приверженность к предмету своей веры, твердость духа, дабы выстоять перед соблазнами тысячи искусителей и не дрогнуть даже перед лицом смерти. Это есть «таклиди иман». Чтобы сохранить в себе иман, необходимо иметь отважное сердце, твердую волю, уверенность в своих силах. Но как нам быть с тем, кто не имеет знаний,

позволяющих отнести его к приверженцам «якини имана», или не имеет твердых убеждений, легко поддастся соблазнам и уговорам, из корысти называет черное белым, белое – черным, клянется, выдавая ложь за правду. Как назвать его сторонником «таклиди имана»? Сохрани нас, Аллах, от таких людей. Каждый должен помнить – не существует имана помимо упомянутых.

И пусть вероотступники не рассчитывают на беспредельность Божьей милости, они не заслуживают ни прощения Аллаха, ни защиты Пророка. Будет проклят тот, кто принимает за истину ложные пословицы: «Острие меча сильнее клятвы», «Нет греха, которого не простил бы Аллах» [1].

Наверное, это Слово Абая как никогда актуально в наши дни, когда политические технологи стали осознавать себя «неумолимой иррациональной» силой, ведущей к столкновению цивилизаций, религий, ценностей религиозных и светских, в которой на поверхности лежит методологическая уловка, основанная на непросвещенности одних и эмоциональной усердности других, о недопустимости того и другого говорят нам Священные Тексты.

Расставленные Абаем акценты на духовно-нравственном содержании религиозного вероисповедательного опыта возвращают нас к истокам веры и, что еще очень важно, к истокам духовной традиции тюрков, в которой эксплицировано абсолютное этическое начало, исключительная этическая квинтэссенция. Возможно, что толерантная религиозная модель согласия «заложила» свои основы в проект толерантизации казахстанского общества еще в те далекие времена, где реализовывалось тюркское миропонимание и тюркское мироотношение. Использование концептуальных идей Абая в конструировании модели религиозной жизни, основанной на согласии, нужно не в качестве «привязки» к современным проблемам, а как базовый принцип для формирования рационального понимания религиозной культуры, религиозного дискурса и религиозного праксиса.

Формирование толерантности религиозного сознания в светском обществе – тема нашего времени, именно оно и яв-

ляется условием существования межрелигиозной модели согласия. В Казахстане, как мы уже отмечали, существовал опыт такого формирования еще в период номадической модели жизнеустройства, именно поэтому, уже модернизированная модель согласия является онтологически укорененной. Однако считать, что она не будет подвергаться деконструкции, наивно. Последние годы демонстрируют нам попытки деконструирования казахстанской религиозной парадигмы, основанной на традициях религий, являющихся исторически и онтологически укорененными в бытии казахстанской культуры. Современные поликультурные реалии демонстрируют нам проблему столкновения традиционализма и нетрадиционализма в религиозной среде.

В период 90-х, когда происходило становление плюралистической идеологии, религиозная жизнь находилась вне сферы влияния государства и, тем более, вне сферы контроля. Оно и понятно, поскольку в светском обществе отделение религиозного от всего светского является законодательным. Но именно в этот период и произошла конверсия, связанная с внедрением радикальных идеологических установок в общество. В религиозном пространстве появились лакуны, очень быстро заполнившиеся новыми религиозно-радикальными течениями.

Исламский мир – понятие только географическое, никакого единения исламского в мировом пространстве нет. Реальное согласие в мусульманском мире – скорее метафора, поскольку мы видим политические примеры Иран – Ирак, Египет – Сирия и др. Можно говорить об арабском мире, об их согласии, и то с натяжкой. Например, Кавказ исламский очень разнороден, в Центральной Азии – тоже не так все просто, хотя связующим является суннизм ханафитского мазхаба, тем не менее, исламская идентичность в этом регионе определяется посредством давно укоренившихся исламских традиций. Постепенно религиозная составляющая начинает меняться, и это изменение чревато именно своими онтологическими последствиями, поскольку будет способно изменить даже религиозное сознание.

Вторжение в религиозную сферу, которая в советский и постсоветский период была свободной, поскольку проводились реформы социальной и экономической областей, было существенным. Эмиссары радикальных течений внедряли свои политтехнологии, «расшатывая» религиозное сознание молодежи, пытаясь изменить его религиозную идентичность. И только благодаря политике государства удалось удержать религиозный ландшафт и избежать массовой религиозной конверсии, сохранив модель религиозного согласия.

Унифицирование концептуального содержания феномена «межрелигиозное согласие» не представляется возможным, поскольку достаточно сложно раскрыть все квантатификативное значение составляющих его, тем не менее, поскольку концептуальность – это всегда главенство и преобладание базовой идеи, базового смысла и, в конечном итоге, стратегии, то возможна универсализация данного понятия, поскольку оно и определяет действующую стратегию и, что очень важно, стратегию будущего.

Экзистенциональный смысл ее в том, что она создает условия для экзистирования «Я» в культуре «Другого». Большое количество примеров экзистенции «Я» в «Другой» культуре показывает культурную реальность современности, в которой существуют, скорее, мультикультурные коды, нежели моно-культурные.

Советский период, в свою онтологическую бытность был направлен на стирание многообразных культурных кодов, особенно религиозного кода культуры, и привел в итоге не только к частичной утрате собственной культурной идентичности, но, что самое печальное – утрате способности к религиозному мирочувствованию, в котором Бог был не воображаемым смыслом мира, а реальностью, которая и определяла мир.

Постепенно отдаляясь от божественного истока, советский человек конституировался в эмпирика-прагматика, а его жизненный и окружающий мир постепенно не столько «расколдовывался», сколько «обезбоживался», религиозная же идентичность становилась всего лишь навсего «этнической

расцветовкой». Иудаизм, христианство, ислам с их ценностными парадигмальными установками не вписывались в советскую культурную парадигму. Распад СССР представляется не только ведь политическим процессом, но и культурным. Культурный шок как «испытание культурой» для этого времени стал причиной «непозитивной» философской рефлексии опять же над проблемой «Я» и «Другого», теперь уже в иных культурных реалиях, противопоставления.

Культурная реальность в последние годы становится на постсоветском пространстве – в условиях постметафизики или постсекулярности мирового пространства – религиозной. Хотя достаточно сложно определиться с такими проблемами, как пассивный-активный секуляризм, латентная-воинственная религиозность. Однако именно религиозный контекст выявил современную онтологическую тоску по божественному. Начался так называемый Религиозный Ренессанс, принесший раскрепощение религиозного контента, который всегда определял сущность человека. На территории постсоветского Казахстана происходили те же самые культурные процессы, что и в других бывших советских республиках.

И каковы теперь главные ценностные установки в культурной парадигме: светские (либеральные), исламские (религиозные)? Казахстан – уникальное культурное пространство, в котором диалогическое толерантное сосуществование мусульман и христиан, различных этносов и религиозных конфессий создало беспрецедентную «возможность возможного» экзистенциального диалога «Я» и «Другого».

Сегодня в социокультурных реалиях постмультикультурализма предлагаются различные версии диалоговых стратегий ислама и христианства, либерализма и религиозного постмодернизма. Например, евроисламская стратегия, евразийская и др.

Евразийство как версия евроислама в интеграционном значении может дать социокультурный подъем евразийского самосознания. Что имеется в виду? Евразийский способ мышления определяет, соответственно, евразийскую модель поведения как модель диалога, поведения в диалоге.

Евразийская идеология не может осуществиться вне интеграционных процессов: экономических, политических, образовательных. Евразийство – по большому счету, это диалог Запада и Востока. В евразийской модели осуществляется либеральный, свободный диалог, в котором происходит вовлечение друг в друга миров Европы и Азии. Евразийство в новых социокультурных и политических реалиях сохраняет культурно-религиозные коды Европы и Азии, в данном случае, коды либерализма и христианства и коды ислама и либерализма.

Если реконструировать опыт культурного, политического взаимодействия исламского и христианского миров на территории Казахстана, то он – очень длительный и позитивный. В качестве примера – это диалог, осуществленный мусульманским философом Абу Насром аль-Фараби с античной (древнегреческой философией), обозначивший целое направление в дискурсе мировой философской мысли – религиозной компаративистики, в рамках которой стало возможным осуществление взаимодополнительности культур Востока и Запада [2]. Да и вообще, реконструкция диалогического опыта прошлого всегда показывает интенции интерпретативного мышления, которое необходимо для инсталляции диалога. Надо сказать, что стремление и поиск диалогических стратегий также очень часто инициировали западные ученые, особенно с XIX века. Попытка представить исламское и христианское культурное наследие в виде двух отчужденных мировых систем, по сути дела, всегда однобоко, линейно и фрагментарно. Разумеется, чтобы показать исключительность, уникальность того или иного культурного мира, его необходимо раскрыть через его религиозно-культурный код, обозначить его уникальным паттерном и, вместе с тем, выявить его онтологическое различие. И это необходимо для того, чтобы понять его сущность.

Для казахстанского общества необходимо расширение диалогического поля и поиск стратегических концепций для устойчивой коммуникации внутри страны и интегративной коммуникации со странами Западной Европы и Мусульманского Востока для того, чтобы коммуникативная практика «Я»

и «Другой» была подлинной, экзистенциональной и разумной, поскольку коммуникация должна быть рациональной, а рациональность коммуникативной.

Возвращаясь к вопросу о концептуализации проблемы межрелигиозного согласия и ее использования другими обществами, можно говорить о необходимости использования такого опыта, а также о механизмах адаптации, поскольку общества различны по-своему мировоззренческому и духовно-культурному контенту, усиливающейся религиозной составляющей или наоборот. Для продвижения модели межрелигиозного согласия необходимо диалогическое партнерство государства и религии.

Аналитический опыт исследования проблемы показал, что:

1) В казахстанских государственно-конфессиональных отношениях отмечается минимальный уровень партнерства государства и религии или полное ее отсутствие. Вместо этого преобладает вертикальная модель взаимодействия и подотчетность религии государству. Этот аспект затрудняет и препятствует выработке совместных/единых векторов социального развития. На этом фоне отсутствует видение общих интересов государства и религии, прагматичный подход к решению общественных проблем. Затруднено выявление общих групп риска, в том числе и в молодежной среде, уровня и состояния их религиозного/атеистического сознания, эмоционального состояния, подверженности к религиозной конверсии;

2) Традиционные религиозные институты не владеют навыками по решению социальных проблем, по разработке проектов социальной активности и их реализации, по регулированию межконфессиональных и межэтнических, возрастных конфликтов среди верующих. Не выработано проектное и структурное мышление, прогнозирование, моделирование и предвидение рисков и угроз национальной безопасности, выявление болезней социума на ранней стадии их развития. Более того, когда общественные религиозные объединения вырабатывают или находят точечные/комплексные методы решения проблем, то не имеют экспериментальной площад-

ки для первичных исследований, т.е. требуются квалифицированные эксперты, которые способны проводить исследования по внедрению современных методов регулирования уровня социальной активности верующих и давать свое заключение с рекомендациями и оценкой;

3) Взаимодействие государства и религии на общественном уровне носит ситуативный характер, без долгосрочных планов партнерства. Требуется проработка социального концепта взаимодействия государства и религии, основанного на регулярности, системности и действенности.

Наиболее приемлемой формой государственно-конфессионального взаимодействия представляется партнерство государства и религии на уровне официальных представителей, в частности КДР РК, ДУМК и РПЦ. Партнерство государства и религии не противоречит Конституции и основным законам РК, к тому же не исключает ответственности религиозных объединений как перед государством, так и перед обществом.

В качестве основных задач партнерства государства и религии могут служить:

– Достижение максимально успешной модели совмещения традиционных светских, религиозных, семейных и других ценностей с требованиями современности;

– Регулирование и сохранение ценностных ориентаций по нравственным нормам, взглядам, убеждениям, оценок и самооценок, физических и эмоциональных состояний, целей, форм и методов социальной деятельности верующих;

– Сохранение и развитие духовных традиций и обычаев народов, их национальной и культурной самобытности;

– Продвижение в обществе идеи умеренности, терпимости и открытости внешнему миру;

– Предотвращение трансформации конфликтного потенциала, образованного на социальных и экономических проблемах в форму конфликта с религиозной основой, т.е. подкрепления конфликта религиозной идеологией;

– Развитие благотворительной деятельности и социальной активности традиционных конфессий в целях погашения социальной напряженности;

– Совместная охрана и восстановление культовых объектов, являющихся республиканскими памятниками истории и культуры.

Таким образом, с целью сохранения стабильности государственные и религиозные организации РК могут осуществлять совместное социальное служение и партнерство в сферах здравоохранения, образования, социальной защиты, благотворительности и гуманитарной помощи, а так же иных областях деятельности, направленных на укрепление духовного и физического здоровья казахстанцев. Все эти рекомендации могут способствовать продвижению модели межрелигиозного согласия как устойчивой модели жизни в казахстанском обществе, и в этом ее значении она может презентоваться другим светским обществам.

Список использованных источников

1. *Абай*. Слова назидания (Книга слов). – Алматы: Жазушы, 1995. – С. 169.

2. *Курмангалиева Г.К., Нысанбаев А.Н., Соловьева Г.Г., Сейтахметова Н.Л.* Наследие аль-Фараби и современная философия взаимопонимания. – Алматы, 2011. – С. 239–245.

ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕРНЕТА В РАЗВИТИИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОДЕЛИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА И СОГЛАСИЯ

Токтаров Ермек Бауржанович

Появление Интернета способствовало расширению сферы социальных и этнокультурных взаимодействий. Исчезли географические расстояния между представителями различных наций и этносов, появилось новое пространство для свободного диалога культур. Новые коммуникационные технологии открывают возможности для сближения народов и культур, в то же время Интернет зачастую становится пространством, в котором разгораются конфликты, принимающие этнонациональную окраску.

По словам Главы государства Н.А. Назарбаева, в Казахстане сформировалась собственная модель межэтнического согласия. В ее поддержание и развитие вносят вклад выверенная политика государства и все социальные и этнические группы. Согласно Терминологическому словарю «Казахстан-2050», под казахстанской моделью межэтнического и межконфессионального согласия понимается «сложившаяся система государственной политики и общественных отношений, при которых обеспечивается мирное взаимодействие между различными этносами, а также толерантность и диалог между различными религиями» [1].

Государственная политика в отношении средств массовой информации играет важную роль в обеспечении мирного диалога между этносами. В традиционных СМИ, таких как телевидение, радио и пресса, достаточно просто осуществлять мониторинг тематики межэтнических отношений и влиять на распространяемую ими информацию. В то же время

в виртуальном пространстве Всемирной паутины возникают определенные трудности с управлением и контролем над информационным контентом, способным разжечь конфликты с этническим подтекстом.

В соответствии с законом РК «О средствах массовой информации» публикация материалов и распространение информации, направленной на разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды, является основанием для прекращения выпуска самого СМИ либо распространения его продукции [2]. В этой связи практически все Интернет-ресурсы, которые в соответствии с законодательством РК относятся к средствам массовой информации, в правилах пользования сайтом указывают недопустимость размещения пользователями информации, способной задеть чьи-либо национальные чувства, направленной на разжигание социальной, в том числе межэтнической, розни. Для реализации данного положения Интернет-ресурсы осуществляют премодерацию всех публикуемых материалов (статей, блог-постов, комментариев и др.), что позволяет не допустить нарушение законодательных норм.

В целом в интернет-ресурсах не предусмотрена функция презентации этнической идентичности пользователя. Но несмотря на отсутствие такой функции, пользователи сами создают этнический и этнокультурный дискурс в интернет-коммуникациях. Сайты социальных сетей позволяют пользователям создавать сообщества и группы, которые объединяют людей вокруг какой-либо тематики или интереса. Практически во всех социальных сетях, популярных в Казахстане (Facebook, ВКонтакте, Мой Мир и др.), существуют сообщества или группы, объединяющие пользователей на основе их этнической принадлежности.

В таких сообществах пользователи имеют возможность общаться на родном языке, делиться информацией о событиях, мероприятиях данной этнической группы, прошедших в разных регионах страны и даже мира. Виртуальные этнические сообщества пользователей способствуют интеграции гео-

графически удаленных друг от друга представителей одного этноса. Следовательно, благодаря Интернету диаспоры могут поддерживать связь с исторической родиной, что способствует сохранению и развитию их этнокультурной идентичности.

В то же время, в Интернете нередко возникают конфликты, имеющие яркую этническую окраску. Сообщества пользователей могут стать площадкой, где могут быть публикованы заведомо оскорбительные для представителей какого-либо этноса материалы. В таких случаях Интернет, напротив, становится средством для стремительного развития межэтнических конфликтов, что противоречит космополитической природе виртуальных коммуникаций. По мнению Шайкемелева М.С., «взаимодействие Интернета с незападными культурами развивающихся стран, напротив, обнажает этнические противоречия, нисколько не нивелируя их» [3]. Следовательно, несмотря на имеющуюся в Интернете возможность осуществлять социальное взаимодействие, не опираясь на этническую идентичность, пользователи, так или иначе, привносят этнический аспект в интернет-коммуникацию. Более того, этнический фактор невозможно исключить или нивелировать, поскольку коммуникация в виртуальной реальности основывается на использовании языка, которым владеет пользователь, а этнический язык, как известно, является одним из важнейших оснований этнокультурной идентичности.

В Республике Казахстан реализуется идеология триединства языков, в которой центральное положение занимает казахский язык, а также подчеркивается востребованный статус русского и английского языков. В соответствии с принципом триединства языков создается контент на различных Интернет-ресурсах в КазНете. Все сайты государственных органов и учреждений имеют казахскоязычную, русскоязычную и англоязычную версии. К этому стремятся и многие сайты, носящие коммерческий, информационный и развлекательный характеры.

Наличие контента на казахском и русском языках открывает возможности для удовлетворения информационных

потребностей всех казахстанских Интернет-пользователей, а англоязычный контент делает сайт доступным для мировой общественности. Интернет-технологии заключают в себе все средства для развития языка и культуры какого бы то ни было этноса. Вопрос лишь в том, как представители того или иного этноса используют эти возможности.

В условиях глобального развития информационных технологий любой нации либо этнической группе, стремящейся занять свое место в политической и социокультурной палитре мирового сообщества, необходимо презентовать себя во Всемирной паутине. Интернет представляет собой идеальное средство распространения результатов культурного развития нации или отдельной этнической группы.

Руководствуясь, в том числе и данной целью, был инициирован проект по включению казахского языка в список языков, используемых сервисом Google Translate, разработчиком которого выступил ОФ «WikiBilim». Результатом работы в данном направлении стала возможность перевода текста с казахского языка на любой другой из 90 языков, используемых в Google Translate, и обратно [4]. Google Translate является одним из самых популярных в мире ресурсов по переводу, который также позволяет переводить целые веб-страницы на необходимый пользователю язык. Благодаря внедрению казахского языка в данный сервис, любой Интернет-пользователь может получить доступ к информации, опубликованной на казахском языке. Таким образом, казахская культура становится более доступной мировому сообществу, что открывает новые возможности для развития казахскоязычного контента.

Бесспорно, современные информационно-коммуникационные технологии открывают широкие возможности для формирования этнокультурной идентичности в среде интернет-пользователей. Более того Интернет как коммуникационная площадка соответствует всем принципам, на которых основывается казахстанская модель межэтнического согласия. Отсутствие на Интернет-ресурсах отдельной функции для презентации этнической принадлежности вполне соответствует

принципу равноправия всех пользователей, которое должно обеспечиваться независимо от расы, этноса, пола и т.д.

Поскольку Интернет после введения системы Web 2.0 существует благодаря усилиям пользователей, межэтническое согласие и мирная коммуникация между представителями разных этносов в виртуальном пространстве являются результатом усилий самих пользователей. В такой поликультурной среде как интернет – пространство, в котором взаимодействуют представители разных культур, во многом формируется толерантное отношение пользователей к другим этносам. Тем не менее, казахстанское общество, которое в своей повседневной жизни руководствуется такими ценностями и нормами поведения как толерантность, уважение к языку, традициям и культуре других народов, пока в недостаточной мере использует интернет-технологии. Недостаточное включение в государственную политику потенциала казахстанского виртуального пространства, который должен быть активно задействован для укрепления и развития межэтнического согласия и диалога культур, является отражением общей проблемы серьезного технологического и профессионального отставания КазНета от успешных мировых образцов по многим параметрам информационного и идеологического обеспечения.

Учитывая диалоговый и одновременно конфликтогенный потенциалы Интернета, становится актуальным вопрос об управлении информационными потоками и контентом, освещающими межэтническую тематику в КазНете. По нашему мнению, для дальнейшего развития казахстанской модели межэтнического единства и согласия могут быть использованы следующие возможности Интернет-технологий:

1. Поскольку Интернет-порталы предоставляют свободный доступ к своим ресурсам, есть возможность осуществлять мониторинг содержания материалов, публикуемых на страницах сетевых сообществ и групп, созданных на основе этнической принадлежности с целью раннего выявления конфликтогенного потенциала того или иного контента и принятия мер со стороны администрации сообщества или Интернет-ресурса по предотвращению его дальнейшего распространения.

2. Поощрение создания этнокультурными объединениями Республики Казахстан страниц, групп и сообществ как в зарубежных, так и в отечественных социальных сетях, где публиковалась бы актуальная информация об истории, языке, традициях, культуре, событиях и мероприятиях из жизни того или иного этноса Казахстана. Такие сообщества могут стать площадкой для коммуникации с представителями этноса не только их исторической родины, но и других стран и наций. Создание страницы или группы на популярном Интернет-ресурсе является более эффективной мерой для информирования пользователей, нежели создание отдельного сайта, поскольку дает широкий доступ к зарегистрированным пользователям.

3. Необходимо размещать на популярных Интернет-ресурсах (YouTube и др.) медиаконтент, представляющий собой архивные и современные записи произведений выдающихся казахских и казахстанских деятелей литературы и искусства, а также материалы, создаваемые деятелями эстрадной культуры. Это позволит знакомить мировую общественность с наиболее яркими и востребованными достижениями казахской культуры и жизнью казахстанского общества.

В Республике Казахстан государство и общество, осознавая значимость межэтнического согласия в жизни страны, прикладывают значительные усилия для сохранения, преумножения и распространения казахстанских ценностей, к которым относятся толерантность, межэтнический мир и согласие. В этом процессе Интернет как одно из ведущих средств массовой информации, с присущими ему специфическими особенностями, играет все более важную роль в регулировании социокультурных, в том числе и этнокультурных взаимоотношений. Используя современные информационно-коммуникационные технологии, можно умело расширять поле для культурного взаимодействия, презентуя мировой общественности казахстанскую модель межэтнического единства и согласия и ее отдельные элементы, делая культурные достижения своего народа более доступными для других народов.

Список использованных источников:

1. Казахстанская модель межэтнического и межконфессионального согласия // Терминологический словарь «Казахстан-2050». – Астана, 2014. – С. 326.

2. Закон Республики Казахстан от 23 июля 1999 года № 451-I «О средствах массовой информации», пункт 4, статья 13. // http: // adilet. zan. kz/ rus/docs/Z990000451

3. *Шайкемелев М.С.* Космополитизм онлайн-социальности: вызов национальной идентичности? // Сборник материалов круглого стола «Национальная консолидация Казахстана: проблемы и перспективы» (г. Алматы, 28 марта 2013 г.) – Алматы: ИФПР КН МОН РК. – С. 182.

4. Переводчик Google стал доступен на казахском языке. Новостной портал Tengrinews.kz, 12 декабря 2014 г. // http: // tengrinews. kz/kazakhstan_ news/perevodchik-Google-stal-dostupen-na-kazahskom -yazyike-266786/

ПРОБЛЕМАТИКА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич

Формирование национальной идентичности Казахстана является сложным, многомерным процессом, выражающимся через ряд противоречий. Среди них главное значение имеет противоречие этнической и гражданской идентичностей. С этим противоречием сталкиваются все постсоветские государства, реализующие в своем национальном строительстве модель государства титульной нации. В символическом виде это противоречие выражается через необходимость совмещения этнокультурных символов с политическими символами гражданской идентичности полиэтнического общества. Речь идет о культурном определении казахстанской нации, а именно, какая культура, какой язык, в конечном счете, символы какого этноса должны доминировать в Казахстане и стать общими для всех этносов страны.

В Доктрине национального единства Казахстана и Стратегии «Казахстан-2050» на эти вопросы дается ясный ответ – это государственный язык и этнокультурные символы титульного казахского этноса [1]. Но в процессе институционализации основополагающей этнополитической задачи государство сталкивается с дилеммой внедрения в общественно-политическую практику механизмов контролируемого развития этнической и гражданской идентичности. Смысл разрешения противоречия этой дилеммы состоит в том, чтобы, с одной стороны, сохранить и укрепить этнокультурные символы государствообразующего этноса молодого национального государства,

а с другой стороны, формировать и поддерживать гражданскую идентичность с целью консолидации общеказахстанской идентичности.

Вариант, воплощаемый в жизнь казахстанским государством, построен на балансе этнической и гражданской идентичностей. Политический консенсус мультиэтничного населения Казахстана является результатом проводимой государством политики сохранения и укрепления баланса между идентичностями этнических групп и гражданской идентичностью, воплощаясь в казахстанской модели межэтнического единства и согласия.

После обретения Казахстаном независимости, первейшей задачей было, именно, укрепление титульного лица государства, которое отталкивалось от стремления наполнения суверенитета атрибутивным содержанием. Принимались и утверждались государственные символы республики, на повестку дня вышли вопросы практики национального строительства. Осенью 1992 года в Алматы прошел Первый Всемирный курултай казахов. Идея проведения Курултая возникла во время посещения Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым Турецкой республики [2].

С этого момента Казахстан вступил в фазу возрождения собственной этнокультурной идентичности. Столетия давления на казахскую этнокультурную идентичность, в первое десятилетие независимости, вылились в несколько гипертрофированный интерес к вопросам ее поиска и восстановления. Поэтому все этносы республики, считающие Казахстан своей родиной, с пониманием отнеслись к процессам, связанным с восстановлением этнического самосознания казахов и их самоидентификацией. Тем более, что эти процессы, благодаря изначальной толерантности казахского этноса и мудрой политике Елбасы, не сопровождались этноцентристскими проектами. Эти процессы проявились, прежде всего, в обращении к своим историческим истокам и актуализации того этнокультурного наследия, которое при советской власти было под запретом.

Тем не менее, в первые годы независимости, на фоне событий в постсоветском и мировом пространстве выяснилось, что непременным условием успешного становления титульной идентичности становится межэтническое единство и согласие всех народов, населяющих Казахстан. Возникла необходимость корректировки парадигмы национального строительства, которая бы исходила из объективных реалий – полиэтнического состава населения Казахстана. Сердцевиной этой парадигмы должна была стать не только возможность для каждой этнической группы РК сохранять свою культуру и язык, но развивать и сближать их, двигаясь в направлении создания единого пространства общих идеалов и ценностей. Так возникла идея создания Ассамблеи народов Казахстана, которая была впервые высказана Президентом страны Н.А. Назарбаевым в декабре 1992 года, на Первом Форуме народов Казахстана, посвященном первой годовщине Независимости [3].

Ассамблея народов Казахстана была образована в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 1 марта 1995 года как консультативно-совещательный орган при Главе государства. Всенародное движение национально-культурных центров (НКЦ), ведущее свой отсчет от советских традиций казахстанской «лаборатории дружбы народов», стало важнейшим элементом отечественной политики баланса между процессами этнической и гражданской идентификации.

Основными принципами государственной этнополитики стали – неукоснительное соблюдение конституционных принципов равенства всех этнических групп Казахстана, направленное на деполитизацию сферы межэтнического и межконфессионального взаимодействия; идеологическая и административная нейтрализация политических сил, представлявших крайне националистические и радикалистские взгляды; всемерная поддержка деятельности Ассамблеи по выстраиванию действенных механизмов межэтнического взаимодействия.

Постоянное обновление методологии и коррекция задач национального строительства, поставивших своей главной

целью – единство судьбы и будущего полиэтничного народа Казахстана, отразились в переименовании Ассамблеи народов Казахстана в Ассамблею народа Казахстана, а национально-культурных центров (НКЦ) в этнокультурные объединения (ЭКО). Тем самым государством был провозглашен курс на формирование единой национальной идентичности представителями всех этнических групп Казахстана. На сегодняшний день в Республике Казахстан имеется бесценный опыт социокультурного и межэтнического взаимодействия в рамках Ассамблеи народа Казахстана. Доверие людей к АНК является наглядным примером того, что уникальная модель нациестроительства, вобравшая в себя отечественный опыт взаимодействия этнических групп, заинтересовала многие страны, в том числе и европейские [4, с. 352–356].

Взвешенная и мудрая политика Президента Н.А. Назарбаева пока позволяет удерживать в рамках латентные процессы политизации этничности. Но недостаточная зрелость политических институтов молодого государства не дает гарантий от рецидивов такого рода. Казахстанская модель межэтнического единства и согласия при всей своей эффективности требует постоянного обновления, переосмысления основных подходов и принципов, поскольку социальная практика казахстанского общества находится в состоянии непрерывного воздействия различных факторов и вызовов, внешних и внутренних, на которые государство и общество должны своевременно и адекватно реагировать.

В истории совместной жизнедеятельности и взаимовлияния казахстанских этносов мы видим множество «следов» аккультурации – неизбежного процесса приобретения одними этносами тех или иных элементов культуры других. Отправной точкой поиска и нахождения интегрирующих принципов может быть соглашение по поводу некой «конечной» истины как регулятивной идеи, необходимой для осуществления конкретных целей. Для казахстанцев такой «неоспоримой» истиной давно уже стала главная ценность нашего общества – отечественная модель межэтнического единства и согласия.

Мощным катализатором процессов дальнейшего поступательного движения государства по пути реализации Стратегии «Казахстан-2050» стала национальная идея «Мәңгілік Ел», провозглашенная в январе 2014 г. Президентом РК Н.А. Назарбаевым [5]. Идея «Вечного народа» призвана дать новый импульс процессам национальной консолидации, реальному диалогу и взаимодействию казахстанских этнических групп, совместному противостоянию чужеродной идеологии, вирусам сепаратизма и экстремизма, захлестнувших постсоветское пространство.

О задачах по национальной консолидации говорится во всех программных статьях и обращениях к народу Президента Н.А. Назарбаева. Но проблемы реальной идеологической фрагментированности общества оставляют пространство для произвольных толкований механизмов достижения всеказахстанской идентичности в процессе ее эволюции к национальной модели. Структурные механизмы, обеспечивающие кросскультурную и межконфессиональную коммуникацию, генерируются в сфере надэтнических и надконфессиональных взаимодействий. В отсутствие или искусственном форсировании этих механизмов возможны лишь разнообразные формы симуляции диалогического общения. Поэтому процесс формирования такой сферы может занять жизнь нескольких поколений казахстанцев.

В преамбуле Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана до 2020 года выражается общая обеспокоенность казахстанцев тем, что XXI век содержит в себе все признаки общецивилизационного кризиса, актуализирующего проблемы межэтнических и межрелигиозных отношений [6]. В условиях глобализации динамичность, гибкость, быстрое реагирование на появление новых рисков и угроз, постоянная работа на опережение являются решающими факторами успешности научно-образовательных комплексов, интегрирующих совместные усилия ученых, политиков и простых людей по сохранению мира и стабильности в молодой республике.

Неотъемлемой составной частью решения этой задачи является выявление, гуманитарно-научная экспертиза, анализ и оценка социально-политических рисков, обусловленных коррекцией политического курса. Масштаб и императивы оценки возможных рисков политических решений, касающихся сферы межэтнических отношений, должны задаваться в конкурентной среде взаимодействия государства и гражданского общества, государственных и негосударственных экспертно-аналитических структур, университетов и научно-исследовательских институтов.

Поиск объединяющих мотивов и принципов в межэтническом, кросскультурном взаимодействии становится главной задачей таких мобильных междисциплинарных групп, объединяющих ученых, политиков и общественных деятелей, как республиканский Научно-экспертный совет АНК и Научно-экспертные группы региональных Ассамблей. Дело за тем, чтобы изучить, обобщить практический опыт АНК и сознательно применить его в целях успешного взаимодействия этносов Казахстана в процессе совместной деятельности. И в этом процессе как никогда велика роль научного сообщества и практических политиков, на которых ложится основная нагрузка по теоретическому осмыслению и институциональному оформлению накопленного опыта с тем, чтобы данный процесс стал более предсказуем и управляем.

Именно о необходимости формирования новых методологических подходов в исследовании и управлении социально-политическими процессами упоминает Президент в программной статье «Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда», подчеркивая возрастающую роль научных исследований в данной сфере и отмечая что «социальные процессы должны скрупулезно исследоваться. Решения по социальным вопросам должны быть просчитаны, научно обоснованы, приниматься заблаговременно, т. е. до их перехода в плоскость социальных проблем и конфликтов» [7].

В Казахстане происходит формирование новой идентичности, в которой противопоставление Запада и Востока снимается за счет появления новых гибридных социокультурных форм сотрудничества, реализующихся через толерантность и взаимный диалог культур казахстанских этносов. Необходимо развивать гибридные формы межкультурного взаимодействия, изобретать новые традиции, работающие на сближение и единение общих ценностей. Одной из действенных форм диалога культур может стать создание межэтнических культурных центров и объединений, могущих стать фундаментом сознательно и системно конструируемого надэтнического социокультурного пространства. Тем более, что в отечественной общественно-политической практике появляются примеры инициативных действий гражданского общества по поиску новых институциональных форм диалога и взаимодействия на стыке этнических культур. Представители Северо-Казахстанской областной Ассамблеи считают, что ее опытом можно поделиться со всей республикой: «Инициатива вышла из недр и глубинок - создание межэтнических этнокультурных объединений. Казахско-украинский центр, казахско-чеченский. Есть у нас те начала, которые объединяют весь народ Казахстана» [8].

Методологическим обеспечением процессов обновления идеологии национального строительства должны заниматься республиканский Научно-экспертный совет и региональные Научно-экспертные группы Ассамблеи народа Казахстана. Главная их цель – осуществление прогнозирования развития этноконфессиональной сферы и формирование научно-практических рекомендаций на основе результатов научно-теоретических и социологических исследований межэтнических отношений и их комплексной экспертной оценки. Методологической основой для внедрения практических рекомендаций на современном этапе развития должна стать Концепция развития Ассамблеи народа Казахстана до 2020 года, где обозначены ее задачи в контексте внутренних и внешних факторов, которые могут повлиять на стабильность в казахстанском обществе.

В процессах внедрения результатов работы Научно-экспертных групп АНК обязательным условием эффективности их работы является обратная связь. Во-первых, региональные Научно-экспертные группы АНК должны иметь возможность апробировать на практике результаты совместных исследований. Во-вторых, научно-практические рекомендации должны получать оценку республиканского НЭС, Малых ассамблей и Секретариатов АНК на предмет отражения их региональной специфики, эффективности при применении на практике. В-третьих, должны оперативно отсеиваться рекомендации и постулаты исследований, не подтвердившие свою востребованность и не выдержавшие проверку практикой. Во всех этих процессах требуется неустанная поддержка государства, являющегося абсолютным лидером в сфере формирования межэтнического климата в стране.

Необходимо отметить, что казахстанским государством на постоянной основе предпринимаются усилия по поддержке деятельности АНК и продвижению казахстанской модели межэтнического единства и согласия. В апреле 2014 г. на XXI Сессии АНК Президентом РК Н.А. Назарбаевым 2015 год был объявлен Годом Ассамблеи народа Казахстана [9]. В июне 2014 г. издан Указ Президента «О создании республиканского государственного учреждения «Қоғамдық келісім», которое призвано, в числе своих основных задач, осуществлять материально-техническое обеспечение научно-экспертного, информационного и аналитического сопровождения деятельности Ассамблеи [10]. Эти факты свидетельствуют о неослабевающем внимании политического руководства страны к проблематике сохранения и укрепления казахстанской модели межэтнического единства и согласия.

В контексте научно-методических и методологических задач, стоящих перед АНК, предлагается проработать и обосновать следующие вопросы научно-практического характера:

- Ассамблея народа Казахстана должна усиливать свое влияние на общество через системное развитие институтов медиации. Члены АНК должны выступать медиаторами в разрешении имеющих место противоречий в этноконфесси-

ональной сфере. Используя отечественный и международный опыт, необходимо обучать активистов этнокультурных объединений основам медиации и создать центры медиации при региональных АНК;

- следует сфокусировать внимание на Интернет-сфере, где в настоящее время во многом осуществляются противоречивые процессы формирования идентичности и социализации молодого поколения. В Интернете активно формируются межкультурные границы, структурирующие негативный образ «других», и расчищающие исследовательское поле для этнометодологии, почти забытой на Западе;

- при помощи автономных научных проектов (в контексте задач НЭС и региональных НЭГ АНК) в сфере междисциплинарных научно-теоретических и социологических исследований определять границы межэтнического и социального напряжения по отдельным регионам страны; выявлять маркеры и критерии толерантности не только в межэтническом срезе, но и в отношении новых социально-стратификационных групп (этнические репатрианты, внутренние и внешние мигранты, аутсайдерские субэтнические группы), которые являются потенциальными носителями интолераности.

Обеспечения научно-обоснованного качества и репрезентативности исследований межэтнических процессов возможно добиться на пути их нормативного прогнозирования – установления возможных направлений достижения оптимального состояния межэтнического процесса на основе ясной методологии формирования консолидирующих социально-политических идеалов, норм и целей. Такие ориентиры в Казахстане определены в «Стратегии - 2050». Дело за тем, чтобы в контексте ясно очерченных Президентом задач разрабатывать локальные теоретические модели, которые отражали бы объективную динамику развития межэтнических отношений в Казахстане, с целью выявления наиболее важных позитивных компонентов системы (точки роста) и потенциально опасных сценариев межэтнического напряжения и возможных конфликтов.

Список использованных источников

1. См.: Доктрина национального единства Казахстана // http://online. zakon.kz/Document/?doc_id=30501158; Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» // http://www.akorda.kz

2. В 1992 году начался первый Всемирный курултай казахов // http://e-history.kz/ru/calendar/event/285

3. Роль Н.А. Назарбаева в формировании казахстанского патриотизма // http://e-history.kz/ru/contents/view/1382

4. Н.А. Назарбаев – основоположник казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия / Сост.: А.Н. Нысанбаев, А.Г. Косиченко. – Алматы, 2010.

5. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана от 17.01.2014. // http://www.akorda.kz/

6. Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана до 2020 года // http://www.akorda.kz/ru/page/page_213666

7. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // http://www.inform.kz/eng/article/2478336.

8. Главное условие развития страны – единство и сплоченность народа // http://www.mtrk.kz/ru/news-mtrk/obschestvo/6911-html

9. Выступление Президента Казахстана Н.А. Назарбаева на XXI сессии Ассамблеи народа Казахстана // http://www.akorda.kz/ru/page/page_216502_

10. О создании республиканского государственного учреждения «Қоғамдық келісім» при Президенте Республики Казахстан и внесении дополнений в некоторые указы Президента Республики Казахстан // http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000837

АВТОРЫ СБОРНИКА

Айтымбетов Нуркен Искакович – научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, PhD докторант, член НЭГ АНК г. Алматы

Бабалиев Сеит Умерсенович – председатель АОО Культурный центр крымских татар «Ватандаш», профессор Казахского Национального Аграрного Университета, кандидат биологических наук, член НЭГ АНК г. Алматы

Биекенова Никара Жалгасбаевна – научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, PhD докторант, секретарь НЭГ АНК г. Алматы

Дунаев Владимир Юрьевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор философских наук, профессор

Ем Наталья Борисовна – заведующая кафедрой кореееведения и японоведения КазНУ им.аль-Фараби, кандидат исторических наук, доцент, член НЭГ АНК г. Алматы

Кадыржанов Рустем Казахбаевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор философских наук, профессор, член НЭГ АНК г. Алматы

Кобеева Алтынай Орманкалиевна – директор КГУ «Қоғамдық келісім» аппарата Акима г. Алматы

Колчигин Сергей Юрьевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор философских наук, профессор

Курганская Валентина Дмитриевна – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор философских наук, профессор, член НЭГ АНК г. Алматы

Махмутов Димаш Сакенович – руководитель аналитико-методического отдела КГУ «Қоғамдық келісім» аппарата Акима г. Алматы

Сагикызы Аяжан – заведующая отделом философии Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор философских наук, доцент, член НЭГ АНК г. Алматы

Сейтахметова Наталья Львовна – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, член-корреспондент НАН РК, доктор философских наук, профессор

Смагулов Мурат Нурмухамбетович – PhD докторант Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК

Токтаров Ермек Бауржанович – научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, PhD докторант

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич – заведующий отделом политологии Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, председатель Научно-экспертной группы АНК г. Алматы, доктор философских наук

СОДЕРЖАНИЕ

Введение..... 3

Айтымбетов Н.И.
Ұлттық бірегейлікті қалыптастырудағы Қазақстан тарихының этномәдени символдық мәні..... 8

Бабалиев С.У.
Вопросы методического и методологического обеспечения исследований казахстанских этнических групп..... 16

Биекенова Н.Ж.
Проблемы социального развития молодежи в контексте межэтнических отношений..... 23

Дунаев В.Ю., Курганская В.Д.
Концептуально-методологические основания мониторинга этногосударственных и межэтнических отношений..... 31

Ем Н.Б.
Межэтнические отношения зарубежных корейцев (на примере браков)..... 46

Кадыржанов Р.К.
Этносимволизм как способ конструирования национальной идентичности Казахстана..... 65

Кобеева А.О.
Опыт структурных подразделений Ассамблеи народа Казахстана в развитии казахстанской модели межэтнического единства и согласия..... 74

Колчигин С.Ю., Сагикызы А.
О ценностных ориентациях казахстанцев (по итогам социологического исследования)..... 79

Махмутов Д.С.
Demographic Development in the Republic of Kazakhstan During 1999–2009..... 89

Сагикызы А.
Қазақстан Республикасындағы этносаралық қатынастардың құндылықтық негіздері..... 101

Сейтахметова Н.Л., Смагулов М.Н.
«Я» и «Другой» в модели межрелигиозного согласия (казахстанский опыт)..... 110

Токтаров Е.Б.
Значение Интернета в развитии казахстанской модели межэтнического единства и согласия..... 120

Шайкемелев М.С.-А.
Проблематика научно-практической реализации политики государства в сфере межэтнических отношений... 127

Авторы сборника..... 137

Научное издание

ЭТНОСАРАЛЫҚ БІРЛІК ПЕН КЕЛІСІМНІҢ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ҮЛГІСІНІҢ ӘДІСНАМАЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Алматы қаласындағы Қазақстан халқы Ассамблеясының
Ғылыми сарапшылар тобының III қалалық
ғылыми-практикалық конференциясының материалдары

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОДЕЛИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА И СОГЛАСИЯ

Материалы III городской научно-практической
конференции Научно-экспертной группы
Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы

Компьютерный дизайн и верстка ***Г. Нусипова***

Подписано в печать 10.03.2015.
Формат 170x240 $^{1}/_{16}$
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8,81.

Отпечатано в типографии «ИП Волков А.И.»
г. Алматы, пр. Райымбека, 212/1.